

ЭРДАЛИЯ

КОРЕНЬ ПРОБЛЕМЫ

Ислам Дахаев

**Эрдалия: Книга 1.
Корень проблемы**

«Автор»

2026

Дахаев И.

Эрдалия: Книга 1. Корень проблемы / И. Дахаев — «Автор»,
2026

Добро пожаловать на Центральный Континент! Здесь Лига объявляет Сезоны, гильдии охотятся за эпохальными предметами, а Экспедиции ходят к вампирам, чтобы отобрать у них плащ, левый сапог и достоинство. Последнее, как правило, достается дешевле всего. Леон хотел лишь пережить очередной Сезон, не потеряв снаряжение. Аурелиан хотел славы, наград и чтобы его плащ красиво развевался в решающий момент. Вместо этого им достались потрепанный щит с боевым гусем, подозрительная серая утка и Кровавый Секач, чьи корни расползаются гораздо дальше, чем предусмотрено. Теперь Леону предстоит остановить древнюю угрозу, сохранить остатки имущества и выяснить, почему любой план Аурелиана заканчивается словами:— Леон, постарайся выглядеть героически. Иногда корень проблемы действительно оказывается корнем. Огромным, красным и очень злым.

© Дахаев И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Опытный человек в нижем белье	5
Глава 2: Охота на вепря	13
Глава 3: Сомнительная ботаника	19
Глава 4: Два по цене одного	26
Глава 5: Ненадежные свидетели	32
Глава 6: Ярмарка открывается с укуса	39
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Ислам Дахаев

Эрдалия: Книга 1. Корень проблемы

Глава 1: Опытный человек в нижем белье

К рассвету Леон лишился тяжелого тесака, доспеха, сапог, кошеля и последних причин уважать Чертог Последней Опоры. Щит, который ему выдали уже внутри, тоже исчез. Жизнь осталась. Свободные зоны вообще были удивительно щедры на жизнь и до оскорбительного скупы на все, что надевалось поверх нее.

Земляной элементаль Оссер, Последняя Опора не проявил гостеприимства. Четырехметровая каменная глыба раскидала их по всему залу, потом и из зала.

Леон стоял на мокрой траве у безопасной границы вместе с остальными участниками неудачной Экспедиции. Их было двенадцать: три недобранных звена, сошедшихся у доски за час до выхода. Двенадцать — это Штурмовая ступень, и Леон говорил об этом дважды, вежливо и один раз не очень. Ниже одиннадцати Чертог выпускал одного Оссера. От одиннадцати — двух малых, которые растаскивали состав по разным концам зала, и вот тогда начинало иметь значение, кто с кем стоит. Капитан ответил, что двенадцать — это почти одиннадцать.

К утру выяснилось, насколько «почти». Утренний туман деликатно прикрывал колени, но выше проявлял полное равнодушие к человеческому достоинству. Вокруг тяжело дышали, ругались, пересчитывали пальцы и с надеждой ощупывали те места, где еще вчера висели кошель.

Кошелей не было.

Не было мечей, амулетов, сумок, плащей, сапог и одного знаменитого шлема с серебряными крыльями, из-за которых его владелец никогда не проходил в дверь с первого раза. Сам владелец сидел на камне, закрывал лицо ладонями и скорбел именно по шлему. Возвращение из полного Раздела редко обнажало в человеке лучшие качества, зато безошибочно показывало качество его нижнего белья.

Леон в этом отношении оказался человеком предусмотрительным и скучным. Простое серое полотно, крепкие швы, ничего такого, о чем на следующий день могли бы сложить трагичную песню. Он считал это последним успехом прошедшей ночи.

— Гервин, — произнесла лекарь с медной косой. Голос у нее был тихий и ровный, как перед неприятной процедурой. — Диагноз: ты опять принял удар прямо. Причина: не слушал. Осложнение: капитан решил, что щит можно выдать проломщику. Хочешь оспорить хоть один пункт?

Гервин, первый щитоносец Экспедиции, был сложен как хороший шкаф и сейчас выглядел как шкаф, с которого сняли дверцы. Он потянулся расправить плечи, поморщился и выбрал оскорбленное выражение лица: оно не требовало двигать ребрами.

— Я не принимал прямо. Оссер сначала бил в сторону.

Лекарь подняла один палец.

— А потом?

— Повернул весь зал.

Она вынула из сумки узкий бинт, проверила край и только затем посмотрела на пациента.

— ЭТО ОССЕР! ОН БУКВАЛЬНО УПРАВЛЯЕТ ЗЕМЛЕЙ!

— Это была новая фаза.

— Она перестала быть новой после того, как убила тебя, двух проломщиков и капитана.

— Я кричал всем отходить, — вмешался капитан.

Он кутался в длинные волосы и остатки авторитета, причем волосы прикрывали больше.

Лекарь не повернула головы.

— Ты кричал: «Почему пол движется?»

Капитан пригладил мокрые пряди.

— Я... неважно.

Спор мог продлиться до полудня, но сидевший неподалеку мечник тяжело вздохнул, поднял с травы круглый голыш и показал, как именно орудовал пропавшим точильным камнем. Возможно, он решил, что наказание должно иметь продолжение.

— Между прочим, если бы вы продержались еще немного, я бы восстановил кромку.

Лекарь медленно повернулась к нему.

— Ты точил меч за колонной, пока нас убивали.

— Он затупился.

— Лучше бы ты затупился.

Леон в спор не лез. Он сидел возле глубокой борозды, которую оставил в земле выданный ему щит перед тем, как исчезнуть вместе со всем остальным снаряжением. Щитоносцем Леон не был. Просто на второй фазе Оссер выбил ГERVина из строя, капитан увидел свободные руки и решил, что проломщик с большой доской — все-таки лучше, чем проломщик без нее. Итог Леон сейчас формулировал коротко, крепко и не для произнесения при дамах. Даже при лекаре, которая за ночь использовала выражения значительно хуже.

Его основной комплект не был легендарным, древним или окруженным песнями. Просто хороший доспех, тяжелый тесак, укрепленные наручи, удобные сапоги и несколько лет работы, постепенно превращенных в надежность. Теперь все это находилось нигде. В нижнем белье человек особенно ясно понимал разницу между «обычным» и «легко заменимым».

У дороги уже ждала крытая повозка с надписью «ПЛАЩИ, САПОГИ, СОЧУВСТВИЕ». Предприниматель, державший ее возле безопасной границы, не задавал вопросов и принимал долговые расписки. Сочувствие предоставлялось бесплатно, но было кратким и довольно однообразным.

Торговец одним взглядом пересчитал босые ноги, мокрые плащи и будущую выручку. Затем сложил руки на животе и придал лицу выражение, которое у него заменяло сочувствие.

— Раздели? — уточнил он, хотя ответ стоял перед ним в количестве дюжины человек.

— Нет, забрал все в качестве компенсации за порчу имущества, — бросил капитан.

— Сочувствую. Плащ — две серебряные монеты, сапоги — три, комплектом дешевле. Гильдейским группам скидка, если печать не потеряли.

— Мы потеряли все.

— Тогда без скидки. Еще раз сочувствую.

Леон взял серый плащ с вышитой на спине надписью «ВРЕМЕННЫЙ». Надпись была крупной, чтобы никто случайно не принял владельца за человека, добровольно выбравшего такую одежду. Сапоги ему достались на размер больше и скрипели даже на траве. Долговую расписку торговец аккуратно свернул и убрал в жестяную коробку, где уже лежала внушительная пачка человеческих бедствий.

Со стороны города донесся протяжный рев медного рога.

Разговоры стихли. Даже лекарь отложила уничтожение чужой самооценки. По дороге к ним мчался всадник в красном плаще Лиги, а за его седлом билось на ветру новое знамя — багровое, с черной кабаньей головой. Всадник придержал коня возле повозки, окинул взглядом Экспедицию и, как человек опытный, не спросил, почему все одеты одинаково плохо.

— С восходом объявлен Сезон Кровавого Вепря! — громко сообщил он. — Пропуска выдают и активируют бесплатно во всех городских представительствах Лиги, Золотые Хартии — за Золото и по описи. Кровавых вепрей видели на северной дороге, у южных садов и в полях за Старой мельницей. За подтвержденные охоты платят, сезонные материалы принимают ремесленные ряды. Белогривых и Бронеспинов без подготовки не трогать.

Он выждал. Любое официальное объявление требовало паузы, чтобы люди успели услышать последнее предупреждение и немедленно решить, что оно относится к кому-нибудь другому.

Сезоном Лига называла те несколько недель, когда по Эрдалии заводились новые твари, материалы и поручения, а люди немедленно принимались продавать друг другу то, что еще вчера валялось под ногами. Сама Лига в Экспедиции не ходила и за поручения не бралась. Она выдавала Пропуска, записывала подтвержденные события, считала вклад и раздавала награды.

Пропуск получал кто угодно и бесплатно: зашел, назвал, приложил палец к печати. Награды на бесплатной дорожке были соответствующие — выцветший плащ, деревянный значок, шапка цвета, которому не придумали названия. Тем, у кого водилось Золото, Лига продавала вторую дорожку и называла ее Золотой Хартией, потому что «Расширенный Пропуск» звучало как справка о состоянии здоровья, а Хартия звучала как судьба.

Задания на обеих дорожках были одинаковые. Разница заключалась исключительно в том, насколько ярко потом стыдно.

Грязь, клыки и ошибки доставались всем одинаково — и тем, кто платил, и тем, кто нет.

Леон подозревал, что первым поручением будет «убей десять кровавых вепрей», а где-то к середине появится «убей сто». От одной мысли устало заныло что-то глубоко внутри. Возможно, память. Возможно, прошлогодний Пропуск.

Леон каждый Сезон клялся, что в этот раз не пойдет активировать бесплатную дорожку. И каждый Сезон шел. Дорожка выдавала ему тусклый плащ, деревянный значок и однажды — фамильяра, который спал даже во время боя. Все это было совершенно бесполезно, ничего не стоило и почему-то очень мешало пройти мимо конторки.

Сейчас у него не было ни сил, ни штанов, чтобы дойти до конторки, и это радовало.

— А кожу берут? — спросил кто-то из проломщиков.

— Уже берут.

— Почему?

— На Аукционе видел от двенадцати серебряных до ста десяти за одинаковый кусок.

— Почему такая разница?

Всадник пожал плечами.

— Потому что Аукцион.

По группе прошло оживление. Владелец крылатого шлема, теперь оставшийся в одном нижнем белье, убрал ладони от лица. Мечник, который ночью точил оружие за колонной, спросил, можно ли изготовить из багровой кожи новый ремень для ножен. Лекарь поинтересовалась, бывают ли сезонные железы ядовитыми, и улыбнулась в сторону Гервина.

Леон посмотрел на городскую стену, проступавшую сквозь туман. В банке лежал аварийный запас серебра — недостаточный, чтобы вернуть прежний комплект, но вполне достаточный, чтобы снова начать зарабатывать. Сезон означал множество заказов, много неопытных охотников и столько разъяренных кабанов, что проломщику не придется искать работу. Работа сама найдет его, разгонится и ударит клыками.

Положение оставалось неприятным. Безнадежным оно больше не было.

— Когда открылись Хартии? — спросил Леон у всадника.

— С восходом.

Леон взглянул на светлеющее небо. Сезону исполнилось около четверти часа.

— Хорошо, — сказал он и направился к городу.

Лекарь проводила его взглядом.

— Только не говори, — сказала она, не поворачивая головы, — что собираешься активировать Пропуск после полного Раздела.

— Не собираюсь. Сначала куплю то, чем можно ударить в ответ.

— Ты говорил это в прошлом Сезоне.

— В прошлом Сезоне у меня были сапоги.

Это был разумный ответ. Леон вообще умел давать разумные ответы за несколько часов до того, как поступал совершенно иначе.

К воротам он добрался вместе с утренним потоком телег, охотников и людей, которые слышали слово «сезонный» и еще не знали, что именно им нужно, но уже боялись не успеть. На дороге появились первые продавцы кабаньих приманок. Один торговал мешками желудей. Второй — теми же желудями, но перевязанными красной лентой и потому сезонными. У второго покупали охотнее.

Возле самой стены образовался затор. Стража освобождала проезд для белого единорога, чья грива светилась мягким золотым сиянием, а за лопатками лежали сложенные белые крылья. Крылья были настоящие. Летать на них единорог не мог — во всяком случае, с человеком на спине, — но раскрывал охотно и всякий раз добивался, чтобы это заметили. На единороге сидел человек в плаще, который светился сильнее гривы, городских фонарей и, вероятно, некоторых небесных тел. Над его головой плавал тонкий золотой нимб. Он ни к чему не крепился, не давал заметной защиты и всем своим видом сообщал, что стоил неприлично дорого.

Единорог ступал так высокомерно, будто лично оплачивал мостовую. Люди расступались. Один ребенок показал пальцем на нимб, мать быстро опустила его руку, а стражник у ворот сделал вид, что сияние не режет ему глаза.

Леон, в сером плаще с надписью «ВРЕМЕННЫЙ», подождал, пока великолепие проедет. Между ним и всадником не было принципиальной разницы. Оба сегодня собирались охотиться на кабанов. Просто один выглядел так, словно кабаны должны были заранее извиниться.

В банке Леону пришлось стоять в очереди за человеком, который сдавал на хранение две моркови, серебряный подсвечник и запечатанную банку с чем-то, настойчиво стучавшим изнутри. Служащий записал все без единого вопроса. Когда подошла очередь Леона, ему выдали аварийный кошель, посочувствовали по поводу Раздела и предложили особый накопительный вклад для восстановления после неудачных Экспедиций.

— Доходность хорошая? — спросил Леон.

— Если больше никуда не ходить, превосходная.

— Тогда мне не подходит.

На Аукционе было шумно еще до официального открытия. Сотни стоек, досок, прилавков и контор не закрывались ни днем ни ночью. Все продавали, покупали, обменивали и обманывали. Уже появились таблички «КУПЛЮ БАГРОВУЮ КОЖУ», «ПРИНИМАЮ КЛЫКИ» и «ЗЕЛЬЕ ПРОТИВ ВЕПРЯ — НАСТОЯЩЕЕ». Под последней продавали обычное укрепляющее зелье, у которого поверх старой этикетки наклеили изображение кабана.

На соседних полках стояли два одинаковых флакона лечения. Один продавался за десять серебряных, другой — за сто. Леон сравнил цвет, запах, печати мастерских и дату варки.

Распорядитель ряда аккуратно переставил дорогой флакон на полпальца вперед. Дешевый остался в тени; рыночная философия требовала наглядности.

— Они одинаковые, — сказал он распорядителю ряда.

— Совершенно, — согласился тот.

— Почему этот в десять раз дороже?

— Владелец уверен в качестве.

— А владелец первого?

— Хочет продать.

Экономика Эрдалии была полна тонкостей. Главная состояла в том, что любой человек мог назначить любую цену, а остальные получали право смеяться и пройти мимо.

За тяжелый тесак, похожий на потерянный, просили столько, словно к нему прилагалась небольшая победоносная война. Молоты стоили ненамного дешевле. Щиты оказались доступнее — главным образом потому, что после начала Сезона все хотели наносить урон и почти

никто не хотел встречать его первым. Леон обошел три стойки, дважды пересчитал серебро и с растущей неприязнью понял: если он хочет заработать на нормальное оружие сегодня, придется еще раз взять в руки неправильное.

Он остановился возле старого каплевидного щита из темного дерева, окованного железом. Щит пережил не одну драку, дважды был починен, а на лицевой стороне носил выцветшую синюю птицу с длинной шеей.

— Цапля, — сообщил продавец.

— Гусь, — возразил Леон.

— Боевой гусь.

Леон проверил ремни, простучал обод, осмотрел трещины и надавил коленом на середину. Щит жалобно скрипнул, но выдержал. Гусь смотрел на покупателя с тем выражением, с каким опытные воины смотрят на нового капитана.

— Половина цены, — предложил Леон. — Один ремень скоро лопнет.

— Ремень старой работы.

— Так лопнет же.

Пока продавец рассказывал о славной истории щита, защите караванов и глубоких традициях боевого гуся, рядом остановился незнакомец. Он не вмешивался в торг, но наблюдал с таким вниманием, словно Леон проходил собеседование, о котором ему забыли сообщить.

Леон узнал всадника на белом единороге. Нимб был снят, сияние плаща приглушено до золотой каймы, но это все равно не помогало: человек светился и без косметики.

Он был немного старше Леона, высок, сухощав и одет слишком хорошо для раннего утра на Аукционе. Темный дорожный камзол сидел так, как сидит только вещь, сшитая по мерке и потом дважды переделанная, потому что заказчику показалось. Серебряная застежка плаща изображала смеющееся солнце — и, если приглядеться, смеялось оно не над всеми, а над каждым по отдельности. На пальце тускло темнел перстень с камнем, за который в Больших Молотках можно было выкупить целую мастерскую вместе с мастером.

Сапоги были дорожные, разношенные и очень дорогие. Ногти чистые. Кисти рук — совсем не чистые в смысле мозолей: на правой ладони, у основания большого пальца, лежала твердая желтая полоса, какая бывает только у людей, которые много лет держат меч не для портрета.

Именно эта мозоль Леона и насторожила. Все остальное можно было купить.

Темные волосы лежали так, будто ветер имел право прикасаться к ним лишь по предварительной записи.

Леон сбил цену еще на четверть, купил щит и несколько мгновений смотрел на него с раздражением человека, которого собственная бедность только что назначила не на ту должность. Лишь затем повернулся к незнакомцу.

— А нимб где? — спросил Леон, вешая щит на плечо.

— Снят. — Незнакомец сказал это без малейшего смущения, как говорят о погоде. — Нимб Светоносца требует пространства. Под низкой крышей его сияние теряет величие, а на рынке низкие крыши в изобилии.

— И что он делает?

Незнакомец чуть приподнял подбородок.

— Сияет.

Леон подождал.

— И все?

— За двести золотых, — сказал незнакомец, — безупречно.

Леон очень медленно поднял глаза к пустому месту над его головой — так, будто нимб все еще висел там и лично, персонально его оскорблял.

Двести золотых. За свет.

Золото продавала только Лига и только за чудовищные горы серебра. Обменять обратно было нельзя, передать другому — тяжкое преступление, и именно поэтому в Эрдалии существовало два сорта людей: те, кто видел Золото, и все остальные. Леон принадлежал ко вторым и не рассчитывал сменить сословие. За хороший год работы он собирал сумму, которой не хватило бы на шнурок от этого нимба.

Внутри поднялось что-то почти благородное — короткое, горячее и совершенно бесполезное возмущение устройством мира. Мир, судя по всему, уже принадлежал таким, как этот незнакомец, и переделке не подлежал.

Леон подавил это чувство привычным способом: пересчитал в уме оставшееся серебро.

— Ты щитоносец, — произнес незнакомец.

Он чуть расправил плечи, будто удачно завершил сложный расчет.

— Проломщик. — Леон поднял щит и неприязненно посмотрел на гуся. — Но сегодня у рынка другое мнение.

Незнакомец приложил ладонь к груди и склонил голову ровно настолько, чтобы поклон оставался представлением.

— Аурелиан Дарвейн, — сказал он. — Вольный клинок. Путешественник. Специалист по поручениям, которые остальные называют невозможными, когда им не хватает воображения или денег.

— Обычно денег, — заметил Леон.

— Обычно воображения. Деньги — следствие.

— Леон. Просто Леон. Я предпочитаю поручения, которые называют оплаченными. Это точнее и почти всегда честнее.

Аурелиан улыбнулся.

Улыбка у него тоже была хорошо подготовлена к встрече с публикой: ровно настолько теплая, чтобы расположить, и ровно настолько короткая, чтобы не выдать, насколько ему это важно.

— Тем лучше. — Аурелиан повел рукой, и золотая кайма плаща послушно вспыхнула. — В южных садах хозяйничает крупный кабан, возможно сезонный. Хозяева платят за избавление от него, туша и материалы остаются нам. Мне на один день нужен человек, способный остановить бросок и после этого еще кого-нибудь ударить. Судя по твоим покупкам, судьба подготовила тебя необычайно буквально.

В подтверждение серьезности намерений Аурелиан извлек из-под плаща толстую книжицу размером с разделочную доску. Ее обложка была обита золотом, багровый вебрь на ней медленно поворачивал голову вслед за владельцем, а застежка сама собой распахнулась с таким звоном, будто где-то началась коронация.

Аурелиан поднял книжицу на уровень груди.

— Золотая Хартия Сезона. Полная цепь поручений, расширенные награды и документальное доказательство того, что предусмотрительность иногда все-таки выглядит достойно.

— Сезону несколько часов.

— Именно так и выглядит дальновидность: событие едва началось, а ты уже держишь его лучшее издание.

— Я думал, она выглядит как запасной щит.

Аурелиан пропустил замечание мимо себя. Там уже проходило слишком много чужих мнений.

— Хартия — это цепь сезонных поручений. Выполняешь одно — Лига ставит печать, выдает награду и открывает следующее. Когда Сезон заканчивается, Хартия закрывается. Не успел — оставшиеся страницы так и будут смотреть на тебя пустыми.

— Я знаю, что такое Хартия, — раздраженно ответил Леон, но его никто не слушал.

— Расширенные награды, особые украшения и переплет, которому не страшны ни дождь, ни зависть.

— Задания другие?

— Нет.

Леон прищурился, разглядывая золотой переплет.

— Дай угадаю. За последнюю печать выдают совершенно исключительного кровавого оленя?

Аурелиан с явным интересом перелистал Хартию к концу. Последняя страница вспыхнула, развернув изображение огромного багрового кабана в золотой попоне.

— Нет. Хряка.

Леон тяжело вздохнул. Он знал Хартии. Они меняли чудовищ, названия и цвета сияния, но в конце почти неизменно выдавали оленя: ледяного, грозового, лунного, проклятого, благословенного и однажды — праздничного, который звенел при ходьбе. Отсутствие оленя не успокаивало. Оно означало лишь, что в Лиге кто-то наконец додумался до хряка.

Аурелиан поднял Хартию обеими руками. Золотые буквы вспыхнули на странице, и он заговорил голосом, которым обычно сообщают о падении империй:

— «Первый клык. Убить десять кровавых вепрей».

— И это то самое невозможное поручение? — Леон постучал пальцем по золотому краю страницы.

— Вступительное. Далее: «Багровый отвар. Сварить укрепляющее зелье из трех сезонных желез». Затем: «Пир победителя. Приготовить блюдо из мяса вепря, трех желудей и одной репы».

— Какое блюдо?

Аурелиан сверился с Хартией и провел ногтем по золотой строке. Буквы вспыхнули ярче, словно тоже ожидали ответа, достойного переплета.

— Достойное.

— Ты умеешь варить зелья и готовить?

Аурелиан закрыл Хартию двумя пальцами, словно завершал государственный совет.

— Для подобных тонкостей существуют специалисты. Я обеспечиваю руководство, замысел и тот размах, без которого победа рискует остаться обыкновенной.

— А кабана тем временем останавливает проломщик с чужой профессией.

— Ты поразительно быстро уловил устройство предприятия.

Леон сузил глаза.

— Почему только один человек?

— Потому что зверь один.

— Я спрашивал не про зверя.

На лице Аурелиана возникла короткая тень неудовольствия: Леон снова заглянул за декорацию до того, как ему показали фасад.

— Вольному клинку не требуется толпа. Нужен один надежный человек, тот, кто осмотрит снаряжение, не впадет в истерику во время торга и не купит блестящий круглый ужас за соседней стойкой. Ты, очевидно, умеешь работать первым номером. А название роли мы оставим летописцам.

— А я, очевидно, последний, кто тебе еще не отказал.

Аурелиан едва заметно поморщился.

— Твоя версия страдает отсутствием возвышенности.

К ним подошла служащая Лиги с тремя запечатанными конвертами. По выражению ее лица было ясно: она догоняла Аурелиана давно и теперь собиралась насладиться успехом.

— Господин Дарвейн, ответы от «Семи Башен», «Стального Круга» и «Рассветных».

— Оставьте в моей ячейке.

— Все три отказа?

Аурелиан выдержал паузу, достойную человека, которого только что не приняли сразу в три гильдии.

— Особенно их.

Служащая ушла. Леон не торопил молчание. Аурелиан сперва проводил женщину взглядом, затем поправил серебряное солнце на застёжке и лишь после этого снова повернулся к миру, который временно не сумел его оценить.

— Как видишь, я слишком дорожу свободой, чтобы связывать себя обязательствами перед одной гильдией.

— Похоже, сразу три гильдии дорожат твоей свободой не меньше.

Аурелиан улыбнулся уже шире, будто именно этот ответ и готовил.

— Редкое единодушие. Итак, один день, один зверь и оплата, достойная временной перемены ремесла.

Глава 2: Охота на вепря

Уверенность Аурелиана не вызывала доверия, зато договор существовал, южные сады находились недалеко, а неправильный щит сам себя не окупит. Леон потребовал дневную плату, долю от продажи материалов, замену расходников и отдельную компенсацию, если доска будет повреждена из-за решения нанимателя.

Аурелиан коснулся пальцами груди.

— Каким образом зверь может повредить твоё снаряжение по моей вине?

— Мы знакомы меньше четверти часа, а я уже видел нибмб за двести золотых и три отказа.

Пункт остаётся.

Они сошлись на условиях, которыми оба остались умеренно недовольны. Это был надёжный признак честной сделки.

Перед выходом из города Леон купил стеганую куртку, кожаные наручи и короткий меч без истории, имени и редких свойств. Меч просто резал. Подобная специализация встречалась реже, чем хотелось бы. Аурелиан наблюдал за покупками с легкой скорбью ценителя.

У оружейной стойки Аурелиан дважды потянулся к украшенному клинку и оба раза с видимым усилием позволил Леону купить простой. На третий его самообладание закончилось.

— Ты не рассматривал что-нибудь более выразительное?

— Рассматривал. Потом посмотрел на цены.

Аурелиан вздохнул с терпением человека, вынужденного объяснять очевидное.

— Золото и существует затем, чтобы в решающий момент не позволять цене вмешиваться в красоту выбора.

— Тогда понятно, почему у меня его нет.

— Оружие обязано говорить о владельце ещё до того, как тот нанесет первый удар.

— Мое говорит, что владелец недавно разделся.

Они покинули город через мельничные ворота. Сезон успел прожить уже несколько часов и заметно изменить окрестности. По дороге двигались охотничьи группы, пустые телеги спешили за будущими тушами, алхимики заранее спорили о качестве ещё не добытых желез. Возле перекрестка глашатай зачитывал список первых поручений, а двое кожевников дрались за право повесить вывеску ближе к воротам.

У придорожной канавы сидел рыбак с тремя удочками. Вся Эрдалия отправилась охотиться на кровавых вепрей, а он смотрел на неподвижные поплавки с величием человека, которого общественная суета не касается.

— Здесь вообще есть рыба? — спросил Аурелиан.

— Полуночный угорь, — ответил рыбак, не оборачиваясь.

— Сейчас утро.

— Я жду заранее.

Леон уважительно кивнул. Он слишком хорошо понимал людей, готовых потратить целый день ради того, что появится на несколько минут ночью. Это понимание было одной из причин, по которым ему вообще не следовало подходить к конторке Лиги.

Навстречу им прошли первые черно-оранжевые повозки Проклятой Ярмарки. Шатры ещё не ставили, торговцы только ехали к городу, но из одной клетки уже высунулась серая утка и сказала проходившему священнику:

— Позор.

Священник ускорил шаг.

— Завтра в полдень открываются, — заметил Аурелиан, проводив глазами клетки. — Говорят, в этом году новый приз за тыквы.

— Он и в прошлый раз был.

Утка повернула голову к Леону.

— Позор.

— У меня трудные времена, — сообщил ей Леон.

Южные сады начинались за пологим холмом. Яблони тянулись вдоль дороги аккуратными рядами, но ближе к крайней усадьбе аккуратность заканчивалась. Забор лежал на земле. Несколько деревьев были вывернуты с корнями. От деревянного сарая остались три стены, причем одна явно держалась из упрямства.

На крыше дома сидел мужчина с вилами. Перед домом стояла пожилая хозяйка в фартуке и точила лопату о камень.

— Вы из Лиги? — спросила она, увидев печать на договоре Аурелиана.

— Мы по вашему поручению. Где зверь?

Хозяйка указала лопатой на сарай.

Изнутри донесся треск. Оставшаяся стена задумалась о будущем.

— В объявлении сказано «крупный кабан», — напомнил Аурелиан.

— Когда я писала объявление, он был обычный. Ночью покраснел, утром съел калитку. Я доплату за смену цвета не обещала.

— Сезонный зверь опаснее.

— И дороже на рынке. Забирайте целиком и считайте, что мы оба умеем считать.

Леон осмотрел разбитый двор. Следы копыт были глубоки, как миски. На досках темнели клочья багровой щетины. Один такой клочок мог бы служить приличной щеткой для чистки доспехов, если бы не пытался проткнуть ладонь.

— Он выходил после рассвета? — спросил Леон.

— Дважды. Первый раз погнался за мужем, второй — за курами.

Мужчина на крыше поднял вилы.

— За мной он погнался раньше!

— Куры бегают быстрее, — отозвалась хозяйка. — Потому ты еще жив.

Аурелиан обошел сарай, изучил пролом и вернулся с видом полководца, который только что лично проверил расположение вражеских армий.

— Замысел прост, а потому почти безупречен. Леон принимает первый бросок и уводит голову влево. Я вхожу справа, вскрываю сухожилие и завершаю ударом под лопатку. Хозяйка освобождает двор от птицы, мебели и всего, что не готово стать частью легенды.

— Я уже отвела, — сказала женщина. — Они в доме.

Из дома раздалось испуганное кудахтанье и голос мужчины с крыши:

— Не пускай их в спальню!

— Значит, все готово, — заключил Аурелиан.

Леон затянул ремни щита. Старый кожаный ремень тихо хрустнул, напоминая о пункте договора. Боевой гусь на лицевой стороне смотрел в сторону сарая и, кажется, впервые в жизни сожалел, что не умеет улетать.

— Ты уверен, что он бросится на меня?

— Ты встанешь перед ним со щитом.

— Ты стоишь перед ним в красном плаще.

Аурелиан посмотрел на плащ. По багровой ткани медленно пробежала золотая искра, серебряная застежка весело блеснула.

— Это «Последний закат». Он багровый.

— Кабан оценит название.

Договорить они не успели. Сарай взорвался досками.

Кровавый вепрь вынес наружу половину дверного проема и несколько мгновений продолжал носить их на шее. Он был высотой Леону по грудь, шириной с телегу и покрыт темно-красной щетиной, похожей на пучки ржавых гвоздей. Клыки загибались вверх почти до глаз.

Глаза горели мутным багровым светом, но злость в них была совершенно естественной и не нуждалась в магическом объяснении.

Зверь увидел Аурелиана.

Аурелиан увидел зверя.

— Он все-таки различил оттенок, — сообщил Леон.

Вепрь рванулся вперед.

Леон успел шагнуть наперерез и опустить щит. Мир сузился до тяжелого топота, красной туши и очень старого ремня. Удар пришелся чуть ниже середины. Земля под сапогами разошлась, будто кто-то провел плугом. Леона протащило назад на несколько шагов; край щита врезался ему в плечо, железный обод взвизгнул, а боевой гусь окончательно потерял краску с клюва.

Но Леон устоял.

Он держал щит обеими руками, навалившись на него всем телом. Вепрь хрипел, рыл копытами землю и пытался поднять человека на клыках. Под стеганой курткой напряглись плечи, подошвы ушли в почву, по старому дереву побежала тонкая трещина. На мгновение получилась почти героическая картина: человек остановил чудовище в несколько раз тяжелее себя, утренний свет лег на напряженное лицо, земля дрожала.

Потом лопнул ремень.

Щит дернулся в сторону. Леон перехватил его за край, обод ударил по предплечью, вепрь радостно прибавил. Героическая картина сохранилась, но стала заметно менее удобной.

Аурелиан уже двигался.

Он не бросился вперед и не закричал. Он пошел по дуге — мелким приставным шагом, боком, держа клинок низко и почти небрежно, как держат трость. Кабан следил за щитом; Аурелиан существовал вне его внимания и явно этим пользовался.

На третьем шаге он ушел от копыта, не отпрыгнув, а просто убрав ногу, — и ударил снизу под заднюю ляжку, коротким рубящим движением от локтя, без замаха.

Длинный клинок вспыхнул белым светом и высек из багровой щетины целую россыпь искр.

Только искр.

Аурелиан немедленно отступил на два шага и посмотрел на кромку с выражением человека, которому счет пришел не туда, куда он рассчитывал.

— Щетина плотнее обычной! — сообщил он.

— Я ЗАМЕТИЛ! — отозвался Леон из-под щита.

Вепрь не упал.

Он развернулся с быстротой, которую тело такого размера не имело права даже рассматривать. Леон отпустил щит, чтобы не улететь вместе с ним, а Аурелиан успел сказать что-то очень короткое и совершенно не поэтичное. Клык подцепил край его плаща. Вольный клинок поднялся в воздух, описал красивую дугу и исчез в куче яблочных корзин.

Лекаря рядом не было, поэтому никто не назвал его идиотом. Леон счел это несправедливым.

Вепрь затоптал щит. Боевой гусь выдержал один удар, второй и на третьем треснул поперек шеи. Леон выхватил короткий меч. Меч ничего не говорил о владельце, зато честно резал, и сейчас это оказалось полезнее богатого внутреннего мира.

— ДАРВЕЙН! — заорал Леон, отходя к яблоням. — Если ты закончил проверять корзины, скажи хотя бы, какие лучше!

Из-под яблок показалась рука с мечом. Потом вторая рука. Потом голова, на которой сидела корзина.

— В-третьей-слева-гнилые! — выпалил Аурелиан на одном выдохе, снимая корзину. — Все остальное — превосходный сорт!

— Ты падал две секунды!

— Я успел составить мнение!

Вепрь снова пошел на Леона. Теперь между ними не было щита, зато было несколько деревьев и чужое имущество. Леон выбрал самое толстое дерево, дождался разгона и отступил в последний момент. Кабан врезался лбом в ствол. Яблоня содрогнулась, осыпала всех плодами, постояла секунду и начала медленно падать.

На дом.

— Не туда! — закричал мужчина с крыши.

Хозяйка посмотрела вверх.

— А ты слезь и поверни ее!

Вепрь пятился, тряся головой. Леон бросился сбоку, ухватил его за клык и всем весом потянул вниз. Клык оказался горячим и скользким. Зверь дернулся, поднял Леона над землей, но тот не отпустил. Сапоги болтались в воздухе, короткий меч остался в траве, а лицо вепря оказалось неприятно близко.

— Сейчас было бы хорошо сделать невозможное поручение! — крикнул Леон.

— Уже делаю!

Аурелиан вылетел из корзин как человек, который именно там и собирался оказаться. Плащ он потерял, волосы — почти нет.

Но перед прыжком он сделал то, чего Леон, висящий на клыке вниз головой, не заметил и оценил только через два дня: перехватил меч левой рукой у середины лезвия, коротко провел большим пальцем по кромке и переложил обратно.

Он не искал места покрасивее. Он искал место потоньше.

Потом он пробежал по падающему стволу, оттолкнулся от верхних ветвей и взмыл над зверем. На этот раз клинок не встретил брони. Он вошел в мягкое место за ухом — глубоко, коротко и совершенно точно, всем весом падающего тела.

Вепрь взревел, качнул головой и швырнул Леона в грядку с капустой. Аурелиан не успел освободить меч и улетел в другую сторону. Зверь сделал два тяжелых шага, посмотрел на окружающий мир с искренним возмущением и рухнул так, что в доме распахнулись ставни.

Наступила тишина.

Возле разбитых корзин торжественно звякнула Золотая Хартия. Она пережила полет, падение и близкое знакомство с яблоками без единого пятна, что впервые оправдало золотой переплет. Книжка сама раскрылась, страницы зашелестели, и над первой печатью вспыхнули слова:

«ПЕРВЫЙ КЛЫК: ОДИН ИЗ ДЕСЯТИ».

Аурелиан лежал среди яблок, но голос его уже стоял на пьедестале.

— Прекрасно. Первый шаг большого сезонного пути сделан.

— Осталось девять? — спросил Леон из капусты.

— Ты быстро считаешь.

Леон закрыл глаза. Воображение тут же услужливо показало еще девять сараев, девять сломанных щитов и Аурелиана, который после каждого разглаживал камзол и объявлял начало положенным. Леон открыл глаза. Аурелиан действительно выглядел довольным, и от этого воображение показалось осторожным.

Падающая яблоня наконец определилась с направлением и легла поперек двора, не задев дом на ширину ладони.

— Я же говорил, что надо повернуть, — сказал мужчина на крыше.

Хозяйка подняла яблоко и бросила в него. Попала с первого раза.

Леон сел среди капусты. Левая рука ныла, новый щит лежал в грязи двумя почти равными частями, а сапоги, взятые у торговца, наконец перестали скрипеть. Один вообще слетел и торчал возле сарая.

Аурелиан поднялся с земли, вынул меч из туши и внимательно осмотрел клинок — сначала кромку, потом дол, потом свое отражение в доле. Разгладил камзол. Нашел серебряную застежку, вспомнил ее цену, выдохнул. И только вернув себе выражение полного контроля над обстоятельствами, убрал клинок в ножны и выпрямился.

— Как видишь, замысел полностью оправдал себя в той части, которая отвечала за победу.

Леон посмотрел на сарай, забор, яблоню, капусту и собственный щит.

— Какая именно его часть?

— Заключительная. В хорошем плане именно она остается в памяти, все остальное становится выразительными обстоятельствами.

Хозяйка подошла к веprю и ткнула его лопатой. Тот не отреагировал.

— Забирайте, — сказала она. — И дерево тоже можете забрать, раз уж нарубили.

Аурелиан занялся тушей. Он работал не так изящно, как с мечом, но явно не впервые свежевал чудовище. Леон собрал половинки щита и уже прикидывал, сколько придется вычестъ из заработка, когда заметил под передней ногой зверя что-то странное.

Из раны вместе с кровью показались тонкие красные волокна. Сначала Леон принял их за жилы, но одна нить изогнулась сама по себе, коснулась земли и начала быстро уходить в почву.

— Дарвейн.

Аурелиан обернулся. Леон прижал волокно обломком щита. Оно задергалось, словно живой червь, и вокруг кромки выступил густой багровый сок.

— Это было внутри него, — сказал Леон. — И оно пытается уйти.

Уверенность на лице Аурелиана не исчезла, но стала внимательнее. Он присел рядом, провел кончиком ножа под волокном и вырезал вместе с кусочком плоти. Красная нить тут же обвилась вокруг лезвия.

— Корень, — произнес он.

— Корни обычно не растут в кабанах.

— Значит, перед нами редкий случай расширения ботанических представлений.

— Перед нами случай, который надо отнести в Лигу и не трогать голыми руками.

Аурелиан посмотрел на собственную руку.

— Это разумная мысль. Жаль, что она пришла второй.

Хозяйка принесла пустую банку из-под варенья. Корень поместили внутрь, залили остатками крепкого яблочного настоя и закрыли крышкой. Он несколько раз ударил в стекло, потом замер, притворившись обычным растением. Получалось неубедительно.

— В овраге за садом таких больше, — заметила хозяйка. — Красные отростки полезли три дня назад. Муж хотел выкопать, но потом прибежал кабан.

Мужчина на крыше кашлянул.

— Я собирался выбрать подходящую лопату.

— Три дня?

— Выбор инструмента требует ответственности.

Леон и Аурелиан переглянулись. Работа на один день только что приобрела овраг, неизвестное растение и несколько дополнительных вопросов. Подобные изменения обычно плохо влияли на срок договора и хорошо — на его цену.

Аурелиан вытер нож о траву, сложил платок ровным квадратом и только после этого перешел к продолжению договора — как будто овраг, живой корень и разбитый двор входили в заранее подготовленную повестку.

— Я предлагаю продлить найм, — сказал Аурелиан. — Мы осмотрим овраг, передадим образец знатокам и, если след продолжится, выясним, откуда идут звери. Оплата прежняя за каждый день, сезонные материалы делим, сведения продаем вместе.

— Щит ты оплачиваешь целиком.

— Наполовину. Он был старым.

— Кабан выбрал тебя из-за плаща.

— Это недоказуемо.

Из дома высунулась курица, посмотрела на Аурелиана и убежала обратно.

— Даже птица не согласна, — сказал Леон.

Они сошлись на трех четвертях стоимости щита и новом ремне за счет Аурелиана. Это опять оставило обоих умеренно недовольными и потому устроило.

К полудню хозяйка нашла телегу, на которую можно было погрузить тушу. Вепрь оказался шире телеги; его ноги свешивались по бокам, а колеса скрипели так, будто тоже требовали отдельной платы. Банку с красным корнем Аурелиан поставил между собой и Леоном. Внутри иногда тихо стучало.

На обратной дороге мимо них промчался всадник и закричал, что у старого моста видели Белогривого. Из ближайшего поля немедленно выскочили трое охотников, кожевник, сборщик трав и человек с удочкой.

Леон узнал рыбака.

— А как же Полуночный угорь? — крикнул он.

— До полуночи вернусь!

Аурелиан проводил погоню горящим взглядом.

— Мы могли бы успеть.

Леон медленно повернул к нему голову. Он умел сохранять спокойствие, когда чудовище разгонялось прямо на него, но Аурелиан за один день обнаружил несколько новых дверей в его характере и теперь методично проверял каждую.

— У нас телега с мертвым вепрем, банка с живым корнем и сломанный щит.

— То есть подготовка уже почти завершена.

Леон посмотрел на него. Аурелиан был в себе уверен по-прежнему. Это качество пережило отказ трех гильдий, полет через корзины и краткое знакомство с землей. Возможно, оно было самым прочным предметом его снаряжения.

— Сначала Лига, — сказал Леон. — Потом мастерская. Потом посмотрим на овраг.

— Прекрасный порядок. Именно его я собирался предложить.

— Конечно.

Навстречу им снова потянулись черно-оранжевые повозки Ярмарки. Серая утка узнала Леона, высунулась между прутьями и отчетливо произнесла:

— Позор.

Леон не ответил. Он был спокойным, практичным человеком, который намеревался заново собрать снаряжение на Сезоне Кровавого Вепря, закончить короткий договор и совершенно не отвлекаться на Проклятую Ярмарку.

До первой тыквы оставалось немного.

Глава 3: Сомнительная ботаника

К полудню Ланвер уже знал о Сезоне Кровавого Вепря. К обеду город успел начать на нем зарабатывать, а к вечеру, по самым осторожным ожиданиям, собиралась объявить происходящее старой городской традицией.

Город стоял на пересечении королевских дорог, владел крупнейшим Аукционом, Большими Молотками и редким талантом превращать любую опасность в очередь. Поэтому у Мельничных ворот Леона и Аурелиана встретили сразу три: для живых вепрей, для мертвых и для тех, чье состояние еще предстояло установить.

Их телегу направили к мертвым. Вепрь отнесся к решению спокойно. Банка между сиденьями — нет. Красный корень дважды ударил в стекло, после чего привратный оценщик перечеркнул выданную дощечку и велел перестраиваться в третью очередь.

— Он мертв, — заметил Леон.

— Кабан — возможно, — ответил оценщик. — Груз в целом вызывает вопросы.

Аурелиан окинул взглядом телеги впереди. На одной лежал белогривый вепрь, связанный столь основательно, словно его собирались допрашивать. На другой сидели четыре охотника и держали крышку огромной корзины, из которой время от времени доносилось оскорбленное хрюканье.

Аурелиан раскрыл Хартию так, чтобы золото увидел не только оценщик, но и очередь за ним.

— Полагаю, для владельцев расширенного сезонного допуска предусмотрен порядок, соответствующий степени их подготовки.

Оценщик почтительно посмотрел на золотой переплет, потом на очередь.

— Поздравляю. У груза тоже?

Леон отвернулся. Иногда чужое унижение следовало переживать деликатно, особенно если наниматель еще не выплатил стоимость щита.

Ланвер поднимался за стеной ярусами черепичных крыш, башен и дыма. Над восточной частью города висело серое облако Больших Молотков — огромного ремесленного квартала, где горны не гасли даже ночью и любой сломанный предмет сначала осматривали, потом осуждали владельца и лишь затем называли цену. Ближе к центру виднелся зеленый купол Дома Сезонов. В нем Лига регистрировала Хартии, поручения, открытия и прочие бедствия, которым удалось подобрать достаточно официальное название. За западными крышами, далеко за полосой хвойного леса и низкими горными зубцами, стояла Черная Буря — темная стена, не менявшая формы даже при ветре.

До Дома Сезонов добрались через час. Вепрь занял на дороге почти две полосы, хотя полос на ней не предусматривалось вовсе. Люди оборачивались, торговцы выкрикивали цены прямо на ходу, а один кожевник бежал за телегой до самой площади и успел трижды повесить собственное предложение.

— Сорок серебряных за шкуру!

— Она еще на кабане, — сказал Леон.

— Поэтому целая!

— В ней дыра от меча.

Кожевник посмотрел на Аурелиана.

— Тридцать восемь!

— Это был точный удар, — холодно произнес вольный клинок.

— Тридцать семь!

Аурелиан велел вознице ехать быстрее. Телега ответила долгим скрипом, который довольно точно передал ее отношение к приказам.

Площадь Сезонов обычно была просторной. Сегодня это качество приходилось принимать на веру. Под багровыми знаменами толпились охотники, ремесленники, глашатаи, люди с образцами, люди без образцов и люди, уверявшие, что образец от них убежал. Перед главным входом стояла клетка с обычной свиньей, выкрашенной красной краской. Рядом хозяин требовал признать ее Багровой Маткой, а трое служащих Лиги по очереди объясняли, что такого существа пока не существует.

— Пока, — повторял хозяин с надеждой.

— Это краска, — отвечала служащая.

— Сезон только начался. Дайте ей время.

Свинья терлась боком о решетку и понемногу возвращала себе естественный цвет.

Телегу приняли на заднем дворе, выдали расписку на тушу и направили владельцев в зал сезонной оценки. Обычная очередь начиналась у дверей, огибала фонтан и заканчивалась где-то возле человека, который только собирался в нее встать. Аурелиан молча раскрыл Золотую Хартию. На внутренней стороне обложки вспыхнула стрелка и указала на небольшую позолоченную дверь в углу зала.

Аурелиан указал на нее двумя пальцами, как указывают на очевидное.

— Расширенные награды, особые украшения и переплет, которому, как я уже говорил, не страшна даже зависть. Иногда роскошь просто называется хорошей организацией.

За позолоченной дверью обнаружилась другая очередь. Она была значительно короче, стулья имели подушки, а на столике стояла вода с дольками лимона.

Аурелиан посмотрел на Леона с торжеством человека, чье мировоззрение только что получило вещественное доказательство.

— И все? — спросил Леон.

— В обычной очереди вода без лимона.

— Какая жестокость.

Они дождались вызова, не успев даже соскучиться как следует. Для государственного учреждения это почти считалось телепортацией.

Старший сезонный оценщик Ида Керн занимала комнату, в которой растениям было положено лежать смирно, а они явно не соглашались. Со стропил свисали пучки трав. На подоконнике шевелился горшок с черными листьями. За толстым стеклом рос цветок, медленно поворачивавшийся вслед за каждым, у кого на пальцах имелись свежие порезы.

Сама Ида была невысокой сухой женщиной с серебряной прядью в темных волосах и руками человека, который доверял перчаткам больше, чем людям. Она выслушала рассказ, поставила банку в медный поддон и долго смотрела на корень. Корень смотрел в ответ доступным ему способом — прижавшись к стеклу всеми отростками.

Ида повернула банку щипцами так, чтобы свет падал на срез. На посетителей она смотрела реже: их свойства обычно были описаны хуже, но проявлялись быстрее.

— Где нашли?

— Внутри кровавого вепря, — ответил Леон. — Под передней ногой. После смерти полез в землю.

— Голыми руками трогали?

Аурелиан едва заметно выпрямился.

— Исключительно в исследовательских целях.

— Значит, трогали.

Ида взяла со стола длинные щипцы. Корень мгновенно отлип от стенки и замер на дне банки.

— Он понимает, когда к нему приближаются? — спросил Аурелиан.

— Если бы он понимал, кто именно к нему приближается, спрятался бы раньше.

Оценщик приподняла крышку, подхватила тонкое волокно и переложила на каменную пластину. Потом надрезала его. На срезе выступила темная густая жидкость, слишком похожая на кровь, чтобы это нравилось человеку, и слишком липкая, чтобы кровью быть.

Красная нить дернулась к ее руке.

Ида отвела щипцы. Нить изменила направление и потянулась к краю стола, где лежал использованный разделочный нож. На лезвии осталась бурая полоска кабаньей крови.

— Кровь, — сказал Леон.

— Наблюдательно, — отозвалась Ида.

— Я имел в виду, она тянется к крови.

— Тогда еще и полезно.

Ида поднесла чистый нож. Корень не отреагировал. После этого она достала из ящика маленький флакон, капнула на пластину прозрачную жидкость, и красная нить судорожно свернулась. Запахло крепким спиртом и обиженной капустой.

— В утвержденном сезонном перечне образец отсутствует, — сказала Ида. — Предварительный статус: неизвестная подвижная растительность с пищевым интересом к крови. Последнее пока не название, а причина не трогать.

Аурелиан наклонился к образцу; золотая застежка едва не коснулась стеклянного колпака. Ида без слов отодвинула поддон дальше.

Аурелиан улыбнулся и оперся кончиками пальцев о стол.

— Значит, нам выпала честь принести Лиге первое подтвержденное открытие этого Сезона.

Ида сняла перчатку, открыла лежавшую рядом папку и показала три листа.

— Красные отростки у северной дороги. Красные плоды возле Старой мельницы. Красная дрянь в колоде для водопоя в двух милях отсюда. Все донесения поступили утром.

Улыбка Аурелиана сохранилась, но стала тоньше.

— Внутри сезонного вепря, смею напомнить, образец обнаружили именно мы.

— Внутри вепря — вы первые.

— Вот видите.

— До вас первым был человек, который назвал это Кровавым Корнем. Он написал: «Кровавый корень или другая мерзость, заберите кто-нибудь». Название уже внесено в предварительный реестр.

Аурелиан посмотрел на корень так, словно тот лично лишил его права назвать открытие.

— Формулировка «другая мерзость» не обладает ни научной точностью, ни величием, которого заслуживает неизвестная угроза.

Ида придвинула к нему чистый лист.

— Предложение о переименовании: три экземпляра, описание отличительных признаков, обоснование. Срок рассмотрения — до конца Сезона. Величие можно приложить четвертым экземпляром.

— Кровавый корень подходит, — решил Леон.

Ида снова закрыла банку. Отрезанная нить продолжала извиваться на пластине, но теперь медленнее. Оценщик накрыла ее стеклянным колпаком и сделала несколько записей.

— Сам по себе Сезон вепрей никого не удивляет. Случалось и хуже. Но если одна и та же растительность появляется в нескольких местах и обнаруживается внутри зверя, Лиге нужно понять направление распространения. Ваш овраг где?

— За Южными садами, — сказал Леон. — Хозяйка говорила о красных отростках.

Ида развернула карту Ланверского округа. Южные сады занимали на ней широкий пояс за городской стеной — десятки усадеб, которые снабжали Ланвер и половину королевского тракта фруктами и ежегодно доказывали, что яблоко можно продать дороже, если назвать его

королевским. За садами тянулась неглубокая Лисья Балка, а дальше начинались холмы Старых Известняков.

— Лисья Балка, — сказала Ида. — Когда-то там было много лис. Потом появились птицеводы, и стороны пришли к соглашению, согласно которому лисы живут где-нибудь еще. Балка уходит к заброшенным каменоломням. Дальше старых карт нет.

— Почему? — спросил Аурелиан.

— Потому что выработки закрыли лет сорок назад.

— Это не объясняет отсутствия карт.

— Объясняет, если знать, что закрыли их после исчезновения картографов.

Леон посмотрел на дальний край схемы. Тонкая линия оврага упиралась в серое пятно, рядом с которым прежний писарь вывел: «Ходы ненадежны». Ниже другой рукой было приписано: «Очень».

— Лига уже открыла поручение? — спросил он.

— Лига вывесила разведочное поручение семь минут назад. Через две минуты его взяли «Рассветные».

Аурелиан помолчал ровно столько, сколько требуется человеку, получившему от «Рассветных» отказ шесть часов назад, и сложил руки за спиной. За одно утро три отказа успели превратиться в его осанке из факта в несправедливость исторического масштаба.

— Толпа, — произнес он наконец.

— Шесть человек.

— Маленькая толпа.

— Поручение открытое, — продолжила Ида. — Оплата производится за образцы, карту распространения и подтвержденные сведения. Приоритет устанавливается временем регистрации, не громкостью заявления. Доступ в балку будет закрыт к вечеру. До этого вы действуете под личную ответственность и подпись.

— А доплата за неизвестность предусмотрена? — спросил Леон.

Ида впервые посмотрела на него с заметным одобрением.

— Предусмотрена.

— Подписываем.

— Ты даже не спросил, насколько риск неизвестен, — заметил Аурелиан.

— Настолько, что за него доплачивают. Остальное нам все равно объяснят после.

Ида выдала им договор, две опечатанные склянки, моток красной бечевки и распоряжение: неизвестное не есть, к коже не прикладывать, домашним животным не показывать. Аурелиан изучил рисунок плода и уточнил, распространяется ли первый запрет на образец после правильной термической обработки.

Ида добавила к договору еще один лист.

— Теперь распространяется письменно.

Тушу в заднем дворе успели осмотреть три мясника, два алхимика и кожевник, который все-таки нашел короткую дорогу. Кровавый корень обнаружился только возле передней ноги. Зараженную часть срезали, запечатали и оставили Лиге, остальное разрешили продавать.

Аурелиан отложил три железы, хороший кусок мяса и один клык для Хартии. Все прочее ушло с торга прямо во дворе. Цены поднимались быстро, бессмысленно и без малейшей связи с утренними. Багровую кожу купил тот самый кожевник, теперь уже за сорок девять серебряных. Леон не стал напоминать ему о дыре. Рынок воспитывал человека лучше любых нравоучений, но обучение следовало оплачивать самостоятельно.

После дележа Аурелиан отсчитал Леону дневную плату и три четверти стоимости погибшего щита.

Леон пересчитал монеты не взглядом, а пальцами, после чего молча выложил две обратно. Серебро звякнуло о стол достаточно выразительно, чтобы заменить вступление.

— Здесь меньше на два серебряных, — сказал Леон.

— Я вычел остаточную стоимость ремня.

Леон поднял обрывок ремня. Тот висел у него на пальце, как дохлый червь.

— Вот она.

— Прекрасная кожа старой выделки.

— Забирай.

Аурелиан посмотрел на ремень, вернул два серебряных и сделал это с достоинством короля, уступившего мятежной провинции по сугубо стратегическим причинам.

В Больших Молотках Сезон уже наступил окончательно. Над улицами висел жар, в водостоках текла красная вода от свежих шкур, а вывески менялись быстрее цен. Вчерашняя «Лучшая дубильня восточного ряда» сегодня называлась «Главной мастерской Багровой кожи». Через дорогу ее конкурент успел стать «Единственной настоящей главной мастерской».

Горны грохотали. Молотки звенели. Кто-то точил, варил, красил, пришивал, зачаровывал и очень громко выяснял, почему легендарный огненный меч Последнего Пламени оказался совершенно бесполезен против огненного великана.

— Он же легендарный! — кричал владелец меча.

— А великан огненный! — отвечал оружейник.

— Но Последнее Пламя!

— Для великана оно обычное!

Уголок рта Леона дернулся. Он отвернулся к верстаку, прежде чем чужая беда стала слишком заметно улучшать ему настроение.

Щитовых мастерских в квартале было больше десятка. Леон выбрал «Крепкую сторону» — небольшую лавку у третьего горна, где на вывеске не светились руны, не вращался герб и не обещали выковать судьбу. Просто висел щит с вмятиной. Вмятина выглядела убедительно.

Хозяин мастерской Брам был широк даже для человека, который всю жизнь делал вещи, предназначенные стоять между людьми и неприятностями. Он положил обе половины боевого гуся на верстак, совместил их и задумчиво провел пальцем по трещине.

— Хороший был щит.

— Продавец говорил то же самое, — отозвался Леон.

— Продавец врал до боя. Я говорю после. Совсем разные ремесла.

Брам проверил обод, остатки ремней и ткнул ногтем в место удара, потом постучал согнутым пальцем по трещине. Дерево ответило глухо и мастер кивнул, будто щит дал показания под присягой.

— Кровавый вепрь?

— Три раза наступил.

— Два выдержал. Значит, хороший.

— Мне нужен тот, который выдержит третий.

— Тогда не давай наступать третий раз.

Аурелиан одобрительно кивнул. Леон посмотрел на обоих и понял, что практическая мысль в мастерской сегодня снова останется его обязанностью.

Брам показал три готовых щита. Первый был легким, круглым и при ударе выпускал вокруг владельца золотые искры. Второй имел зачарованный обод, который начинал петь при приближении нежити. Третий оказался большим каплевидным щитом из склеенных слоев ясеня и дуба, с широкими железными полосами и новыми кожаными ремнями.

— У этого что? — спросил Леон.

— Дерево, железо и здравый смысл.

— Беру.

— Даже не спросите о первых двух? — удивился Аурелиан.

— Первый сообщает врагу, куда я поставил щит. Второй поет.

— Только при нежити, — уточнил Брам.

— Если на меня бежит мертвец, я и без песни догадаюсь.

Новый щит сидел на руке хорошо, но стоил почти всю долю от вепря. Аурелиан тут же предложил покрыть лицевую сторону багровым лаком, добавить серебряную окантовку и поставить в середину солнечный камень.

— Зачем?

— Чтобы щит соответствовал владельцу.

— Он соответствует. Я тоже деревянный, окованный и без солнечного камня.

Брам тем временем отделил от старого щита тонкую доску с выцветшим гусем.

— Это перенесем.

— Не надо, — сказал Леон.

— Надо, — возразил мастер. — Знак уже принял удар.

— Он треснул поперек шеи.

— И все еще узнаваем. Хорошая работа.

Аурелиан поддержал мастера. По его мнению, оружие обязано говорить о владельце, а гусь уже обладал выразительным голосом. Леон оказался в меньшинстве возле собственного щита. Через полчаса синюю птицу закрепили на новой лицевой доске, трещину залили смолой и обвели темной краской. Теперь гусь выглядел не потрепанным, а мстительным.

Аурелиан отошел на шаг, оценил щит целиком и удовлетворенно кивнул.

— Теперь предмет обладает биографией. До этого у него были лишь повреждения.

— Он смотрит на меня с ненавистью.

— Хорошо провоцирует, — решил вольный мечник.

Пока Брам подгонял ремни, Аурелиан исчез в портняжном ряду и вернулся с восстановленным «Последним закатом». Разрез на плаще исчез, багровая ткань снова мерцала золотом, а серебряная застежка сияла так, будто не видела ни кабана, ни корзин, ни земли.

— Сколько? — спросил Леон.

Аурелиан назвал сумму.

Леон медленно опустил взгляд на новый щит, затем на плащ, потом снова на щит. За цену починки ткани можно было купить еще два таких щита, запасные ремни, хороший шлем и, если торговаться без Аурелиана, прилично поесть. Внутри Леона поднялось тяжелое чувство, оглядело окружающий мир и попросилось обратно в полный Раздел, где хотя бы все было потеряно честно.

— Там была одна дыра.

— Нарушилась целостность заката.

— Это ткань.

— Теперь — снова закат.

Спор остановил рев сигнального рога. С улицы донеслось:

— БЕЛОГРИВЫЙ У СТАРОГО МОСТА! ЖИВОЙ! ОЧЕНЬ НЕДОВОЛЬНЫЙ!

Большие Молотки на мгновение замерли. Потом половина людей бросила работу, а вторая половина немедленно подняла цены тем, кто бросил работу. Из алхимического ряда выбежал человек в фартуке с половником в руке. За ним промчался ювелир, на ходу снимая увеличительные очки. Владелец огненного меча Последнего Пламени задумался, посмотрел в сторону рога и все же побежал вместе со всеми.

Аурелиан повернулся к Леону. В его глазах уже отражался Белогривый, слава и, вероятно, особая печать в Золотой Хартии.

Леон поднял палец.

При первом звуке рога Аурелиан замер с поднятой рукой. На его лице появилось сияющее, почти детское ожидание, и Леон успел ответить раньше, чем оно превратилось в слова.

— Нет.

Аурелиан медленно опустил поднятую руку.

— Старый мост находится в пределах разумного отклонения от пути к Южным садам.

— Он на северной дороге.

— Если смотреть на дорогу достаточно широко, Леон, любое достойное событие оказывается по пути.

Леон затянул новый ремень щита.

— Лисья Балка. Кровавый корень. Доплата за неизвестность. А Белогривого сейчас преследует половина ремесленного квартала, включая человека с половником. Он в надежных руках.

С улицы донесся отдаленный грохот и чей-то крик:

— НЕ БЕЙТЕ ЕГО ОГНЕМ!

— Не уверен, — признал Аурелиан.

Но договор был подписан, и даже Золотая Хартия не могла полностью победить договор, если рядом стоял Леон. Они вышли из города через Мельничные ворота, оставив за спиной погоню, звон и владельца огненного меча, которому кто-то уже объяснял ту же мысль второй раз.

Глава 4: Два по цене одного

До Лисьей Балки было меньше часа пешком. Южные сады тянулись вдоль дороги зелеными рядами, и Сезон успел оставить на них первые следы. Усадьбы укрепляли заборы. На калитках висели объявления о найме. Возле одного дома трое щитonosцев спорили, кто из них должен принять первый бросок, пока хозяйка с крыши советовала всем троим встать рядом.

Аурелиан шел без единорога. Белоснежный скакун остался в городской конюшне, потому что отказывался ступать в грязь, если грязь не была декоративной. Крылья, по словам хозяина, позволяли перелететь неприятный участок дороги, но исключительно налегке и исключительно в ту сторону, куда единорог и без того собирался.

— И сколько он стоил? — спросил Леон.

— Это редкий небесный единорог.

— Сколько?

— Он выбирает владельца сердцем.

— Сколько золота потребовалось, чтобы убедить его сердце?

Аурелиан посмотрел вперед.

— Мы почти пришли.

Лисья Балка начиналась за последними яблонями. Неглубокий овраг резал холмы с востока на юго-запад, постепенно становясь уже и глубже. Весной по дну шла вода, летом оставались камни, лопухи и старые лисьи норы. Сейчас между ними тянулись красные побеги.

Ида Керн не преувеличивала. Корень рос пятнами вдоль всего видимого склона. Тонкие нити проступали из почвы, обвивали камни и уходили под сухую траву. На некоторых висели круглые багровые плоды размером с желудь. Они блестели, будто их только что вымыли.

Возле ближайшего пятна работали трое собирателей. Пожилой мужчина резал побеги серпом, девушка складывала их в мешки, а мальчишка лет пятнадцати стоял на камне и следил, не идет ли кто-нибудь со стороны дороги. Судя по количеству наполненных мешков, следил он недавно.

Мальчишка смотрел на Леона так, как пятнадцатилетние обычно смотрят на людей около тридцати: с осторожным уважением и уверенностью, что сами никогда такими не станут. Леону было двадцать восемь, но несколько Экспедиций уверенно округляли его возраст в глазах окружающих до тридцати пяти.

— Лига закрыла сбор, — сообщил Леон.

Мужчина не перестал работать.

— Когда?

— Около часа назад.

— Мы начали раньше.

— А закончили позже.

Собиратель выпрямился и внимательно осмотрел печать на договоре.

— Оно ценное. Алхимики утром давали по двадцать серебряных за пучок.

— Они знают, что с ним делать? — спросил Аурелиан.

— Если бы знали, давали бы меньше.

Девушка завязала очередной мешок. Внутри что-то зашуршало, и она поставила сверху ногу.

— Оно свежее, — пояснила она.

— Оно пытается уйти, — поправил Леон.

— Слишком свежее.

Леон понял, что спорить с сезонной торговлей бесполезно. Она обладала собственной логикой, которую не останавливали ни неизвестная природа товара, ни его попытки покинуть мешок.

Аурелиан присел возле плодов. Один из них медленно повернулся на коротком стебле в сторону царапины на его сапоге, где засохла кровь вепря.

Пальцы Аурелиана уже двигались к плоду. Леон поймал его запястье на полпути.

— Не трогай, — сказал Леон.

— Я осматриваю.

— Ты всегда так говоришь перед тем, как потрогать.

— Наблюдение требует близости.

— Станешь хряком, будешь говорить иначе.

Аурелиан все же воспользовался выданными щипцами. Он сорвал плод, поднес к свету и положил в опечатанную склянку. Хартия у него под плащом тихо звякнула. Золотая застежка раскрылась сама собой, страницы зашелестели, но новой печати не появилось.

— Она разочарована, — заметил Леон.

Аурелиан не отводил глаз от золотой страницы.

— Она оценивает значение находки и выбирает формулировку, способную его вместить.

— Над чем?

— Как достойно оценить открытие.

На странице проступила короткая надпись: «НЕИЗВЕСТНЫЙ МАТЕРИАЛ».

Аурелиан захлопнул Хартию.

В этот момент один из мешков дернулся. Девушка сильнее прижала его ногой. Второй мешок тоже зашевелился и медленно пополз к склону.

— Тиль, — позвала она.

Мальчишка спрыгнул с камня и ухватился за завязку. Мешок потащил его по земле. Пожилой сборщик бросил серп, схватил сына за пояс и уперся сапогами в камни.

Третий мешок лопнул.

Красные корни вырвались наружу единым спутанным клубком. Они не разбежались в разные стороны, а потянулись к одному месту — к ладони мужчины. Серп оставил на ней неглубокий порез.

Леон оказался рядом раньше, чем успел подумать. Новый щит опустился между человеком и корнями. Первый удар пришелся в середину. Дерево дрогнуло, железные полосы глухо звякнули, а мстительный гусь принял красные нити прямо на треснувшую шею.

Щит выдержал.

Корни распластались по доскам, обвили края и рванулись в стороны, пытаясь добраться до руки. Леон шагнул вперед, прижал их к земле и навалился плечом. Под сапогами заскрежетали камни. Из склона полезли новые побеги.

— Порез перевяжите! — крикнул он.

Собиратель смотрел на щит.

— Они же были маленькие.

— Они выросли. Порадуются потом!

Аурелиан выхватил меч. Белое сияние пробежало по клинку, и первый взмах перерубил сразу несколько жгутов. Второй рассек клубок. Красный сок брызнул на траву; корни задергались и полезли обратно к склону.

Один обвился вокруг ноги Аурелиана.

Вольный клинок рубанул вниз, освободился и отскочил. Несколько темных капель попали на нижний край восстановленного плаща. Золотое мерцание погасло на ширину ладони.

Аурелиан замер.

Вокруг него шевелился неизвестный хищный корень. Леон удерживал целый клубок. Собиратели пытались спасти мешки, собственные руки и двадцать серебряных за пучок.

Аурелиан смотрел на пятно.

— Дарвейн! — рявкнул Леон.

— Они нарушили закат.

— Убей их!

— Мой закат...

Последующие удары утратили прежнее изящество, зато приобрели личное отношение. Аурелиан прошел вдоль склона сверкающей бурей, рубя побеги у самой земли. Корни отступали, сворачивались, пытались уйти в щели. Один толстый жгут поднялся над травой и метнулся к нему, но Леон развернул щит, принял удар и отбросил отросток обратно. Аурелиан рассек его надвое.

Склон содрогнулся.

Все остановились.

Глубоко под землей что-то треснуло. Потом красные нити разом натянулись в одном направлении — вверх по балке, к Старым Известнякам. Лопнула почва. Из нее показался корень толщиной с человеческую руку. Он тащил за собой мелкие побеги, плоды и остатки разорванных мешков, словно огромная невидимая рука сматывала сеть.

— Мои двадцать серебряных! — закричала девушка и бросилась за мешком.

Леон поймал ее за ворот.

— Они уже не ваши.

— Я их собрала!

— Они с этим не согласны.

Толстый корень уходил по дну оврага, оставляя свежую борозду. Аурелиан сорвался следом. Леон выругался, отпустил девушку и побежал за нанимателем. Новый щит бил по бедру, из опечатанной склянки в сумке доносился частый стук, а боевой гусь на лицевой доске смотрел вперед с видом существа, которое наконец дождалось достойного продолжения дня.

Балка сужалась. Склоны поднимались, яблони остались позади, свет ложился на дно тонкими полосами. Корень двигался под самой поверхностью, взламывая землю и выворачивая камни. В нескольких местах к нему присоединялись другие жилы. Все шли с разных сторон и тянулись к одному месту.

Аурелиан остановился так резко, что Леон едва не врезался в него щитом.

Впереди лежал молодой кабан.

Он был еще не кровавым — серые бока только начинали краснеть вдоль вздувшихся жил, щетина на хребте слиплась от багрового сока, а клыки оставались короткими. Возле пасти валялись раздавленные красные плоды. Из-под брюха в землю уходили тонкие корешки.

Кабан открыл глаза.

Леон опустился возле зверя, но не коснулся туши. Красные жилы под серой кожей шевелились с той деловитостью, которая особенно раздражает в мертвом.

— Плоды, — сказал Леон. — Они их едят.

— Похоже на то.

— И корень потом растет внутри.

— Предварительный вывод.

— Он сейчас встанет.

— Еще более предварительный.

Кабан поднялся.

Он был меньше первого вепря, но двигался неправильно быстро. Задние ноги дрогнули, корешки оборвались, и зверь бросился на ближайшую живую цель. Ближайшей целью снова оказался Аурелиан. Даже без плаща судьба узнавала его безошибочно.

Леон шагнул между ними. На этот раз он не принимал удар прямо. В последний миг щит повернулся под углом. Кабан врезался в железный обод, скользнул вдоль лицевой доски и пролетел мимо, содрав с гуся еще немного краски.

Леон остался на ногах.

Он расправил плечи и не удержал торжествующей улыбки.

— Видишь? Так выглядит план проломщика, которому зачем-то выдали щит.

Аурелиан уже заходил зверю за спину.

— Не спеши. Заключительное движение еще мое.

— Он еще не закончен.

— Но пока никто не летит в корзины.

Кабан развернулся. Красные жилы на его боках вспухли, под кожей зашевелились тонкие отростки. Он снова рванулся вперед, но теперь Леон встретил его коротким движением щита и ударил краем в морду. Голова зверя ушла вниз. В тот же миг клинок Аурелиана вошел под лопатку.

Зверь рухнул, проехал по камням и замер.

Золотая Хартия раскрылась под плащом. Несколько мгновений она перелистывала страницы, явно не находя подходящей графы. Потом над первой печатью возникло:

«ПЕРВЫЙ КЛЫК: ДВА ИЗ ДЕСЯТИ».

— Хорошо, что не из ста, — заметил Леон.

— Это после, — беззаботно ответил Аурелиан.

Леон тяжело вздохнул. Его не покидало чувство, что там есть поручение на сто вепрей.

Они не стали разделять зверя. Из ран уже тянулись красные нити, и после увиденного никто не хотел проверять, насколько сезонным окажется мясо. Леон наполнил одну склянку плодами, вторую — обрезком корня, который соединял кабана с землей. Аурелиан поставил возле туши лиговую метку и красной бечевкой обозначил место.

Дальше корневая борозда привела их к каменной стене.

Когда-то здесь был вход в выработку: широкий свод из серого известняка, наполовину обрушенный и заросший кустарником. Старые ворота сгнили, но на боковом камне сохранился знак ланверских каменоломен — молот над раскрытой ладонью. Из узкой темноты под обвалом тянуло сыростью.

И красным.

Корни покрывали пол, уходили между камнями и исчезали в глубине. Некоторые были тонкими, как нити. Другие уже не уступали толщиной молодой яблоне. Все едва заметно пульсировали в одном ритме.

Перед входом виднелись свежие следы сапог. Шесть человек. Один шел в тяжелых латах, двое несли длинное оружие, еще один ставил на камнях белые меловые стрелки. На обломке ворот висела узкая лента с восходящим солнцем — знак «Рассветных».

— Маленькая толпа, — напомнил Леон.

Аурелиан снял ленту, осмотрел и вернул на место.

— Они вошли недавно.

— И не вышли.

— Возможно, нашли другой выход.

— Возможно, картографы сорок лет назад тоже так решили.

Из глубины донесся глухой удар. Корни под ногами вздрогнули. Следом раздался второй — ближе. Потом сразу несколько, неровных и тяжелых, будто в темноте по камню прошла большая стая.

Аурелиан положил руку на рукоять меча.

Леон посмотрел на узкий проход, на следы шестерых, на новый щит и на багровое пятно, снова испортившее «Последний закат».

— Мы возвращаемся в Лигу, — сказал он.

— Там люди.

— Именно поэтому возвращаемся быстро и с людьми.

Из-под обвала донесся короткий человеческий крик. Затем кто-то внутри очень отчетливо заорал:

— НЕ РУБИТЕ КРАСНОЕ!

Из темноты показался огромный прямоугольный щит. Он двигался задом наперед, содрогаясь под ударами толстых корней. За ним пятился щитоносец «Рассветных», а следом выбирались остальные: лекарь тащила хромающего мечника, двое проломщиков поддерживали мага, шестой человек бежал вполне самостоятельно и потому нес сразу три сумки.

— К выходу! — крикнул щитоносец, заметив Леона. — Они тянутся к крови! И если разрубить, становится две!

Аурелиан медленно опустил взгляд на свой клинок. По белому металлу стекал багровый сок множества прекрасно выполненных ударов.

— Предупреждение несколько запоздало, — заметил он.

Корневая плеть ударила в спину отступавшего щитоносца. Тот пошатнулся. Леон шагнул рядом, подставил новый щит и принял следующий удар на себя. Железные полосы взвыли, ноги ушли в землю, плечо обожгло болью, но проход на мгновение оказался перекрыт двумя щитами.

— Теперь! — крикнул Леон.

«Рассветные» высыпали наружу. Аурелиан одним взмахом перерубил не корни, а старую деревянную подпорку над входом. Камни просели, с потолка рухнула плита и придавила красные жгуты. Они тут же полезли через щели, но людям хватило нескольких мгновений.

— Теперь можно бежать, — решил Леон.

На этот раз с ним согласились все восемь человек.

Они побежали.

Боевой гусь на новом щите смотрел назад с выражением существа, которому опять не дали даже суток побыть новым.

Остановились только за вторым поворотом, где каменоломня скрылась за склоном. Лекарь усадила хромающего мечника на камень и разрешила штанину. Щитоносец поставил прямоугольный щит поперек Балки и пересчитал своих.

— Шесть. Все.

— Что находилось внутри? — спросил Аурелиан.

— Камень. Корни. Плохое решение.

Маг, которого поддерживали под локти, поднял голову.

— Мы наблюдали сохранение жизнеспособности отделенных частей неизвестного растительного организма.

Щитоносец перевел:

— Разрубили один. Получили два.

Аурелиан посмотрел на свой меч. Багровый сок подсыхал вдоль белого клинка.

— Строго говоря, разделились существующие части.

— Обе пытались меня задушить. Считать было некогда.

— На свету они уходят в землю, — сказал Леон. — Внутри куски продолжают двигаться?

Лекарь затянула повязку на ноге мечника.

— Пока не найдут кровь.

Раненый виновато поднял ладони.

— Я порезался о камень.

— После того как ударил по корню, — уточнила лекарь.

Человек с тремя сумками поставил их на землю. Леон покосился на поклажу.

— Добыча?

— Карты, мел, веревка и общая касса.

— В трех сумках?

— Касса тяжелая. Если бы я ее бросил, меня убили бы уже снаружи.

Выяснилось, что «Рассветные» спустились до старой нижней галереи, которой не было на новой карте. Белые стрелки привели их к заваленному штреку. Все корни там тянулись под обвал, глубже в известняк. Оттуда доносились удары: три подряд, пауза, еще три.

— Что стучало? — спросил Аурелиан.

— Не представилось.

Из-за поворота донесся треск. Камень подпрыгнул и покатился по дну Балки.

Щитоносец поднял щит.

— Остальное расскажем в Лиге.

Золотая Хартия под плащом Аурелиана раскрылась. Он просмотрел две страницы.

— Спасение другой Экспедиции пока не отмечено.

— Пусть Хартия подаст жалобу, — сказала лекарь, помогая мечнику встать. — Только не здесь.

Никто не предложил задержаться.

До открытия Проклятой Ярмарки оставались одна ночь и одна совершенно лишняя каменоломня.

Глава 5: Ненадежные свидетели

Леон бежал по дну Лисьей Балки, слыша за спиной треск кустов. Новый щит бил по бедру, плечо ныло после двух принятых ударов, а впереди Аурелиан Дарвейн двигался с безупречной легкостью человека, чей плащ стоил дороже чужого полного комплекта и потому не имел права цепляться за ветки. Позади тяжело топали «Рассветные». Их щитоносец дышал так, будто лично спорил с каждым вдохом, лекарь поддерживала мечника и одновременно объясняла ему, что хромать следует быстрее.

— Оно еще идет? — крикнул человек с тремя сумками.

— Нет, маг, — ответила лекарь. — Каменоломня сама решила прогуляться!

Леон оглянулся.

По борозде, оставленной толстым корнем, уже ползла целая сеть. Красные жгуты вырывались из земли, цеплялись за камни и подтягивали себя вперед. Они не были особенно быстрыми. Им это и не требовалось: люди уставали, а корни, вероятно, считали усталость еще одной ботанической условностью.

— Быстрее, — приказала женщина, тащившая мага. Одного слова хватило, чтобы люди впереди прибавили, а те, кто не мог, перестали это обсуждать.

До этого она почти все время молчала, потому что тащила на плече мага. Теперь маг наконец обрел собственные ноги, а женщина — возможность командовать. Ее звали Ровена Каст. Леон слышал имя еще в Лиге: капитан одного из полевых составов «Рассветных», известная тем, что после каждой Экспедиции писала настолько подробные отчеты, что некоторые существа могли бы по ним исправить собственные ошибки.

Маг с тремя сумками оглянулся через плечо и едва не споткнулся о собственную сумку. Ровена даже не повернула головы: ее команды всегда шли вперед, куда остальным следовало успеть.

— Мы и так бежим! — отозвался маг.

— Ты несешь три сумки.

— В них образцы!

— В одной хлеб.

— Это пирог высшего качества! Я не собираюсь его бросать!

Балка расширялась. Впереди показались первые яблони Южных садов и телега сборщиков, которую они оставили возле склона. Пожилой мужчина с перевязанной ладонью уже запрягал мула. Его дочь заталкивала уцелевшие мешки под сиденье, а мальчишка стоял на камне и снова следил за дорогой. На этот раз вполне убедительно.

— Они возвращаются! — крикнул он.

— Кто? — спросил отец.

— Все!

Это была плохая формулировка. Корни показались из-за поворота одновременно с людьми.

Сборщики бросили телегу. Мул оценил угрозу быстрее хозяев, порвал привязь и понесся к садам. Один из мешков вывалился, лопнул, и свежесрезанные побеги потянулись к красной сети, словно внезапно вспомнили о семье.

Ровена показала два направления коротким движением ладони. Ни жест, ни голос не оставляли места для обсуждения, но маг по привычке попытался его найти.

— На дорогу. Корни не резать. Раны закрыть. Все с кровью бросить.

— Здесь половина людей в крови, — отозвалась лекарь.

— Тогда бросить мага.

— Почему меня?

— У тебя хлеб.

— Пирог!

Они выбрались на сухой откос. Щитоносец «Рассветных» развернулся первым и поставил прямоугольный щит поперек узкого места. Леон встал рядом. Два щита сомкнулись: новый каплевидный с мстителем гусем и огромная железная дверь «Рассветного», на которой белело восходящее солнце. Знаки смотрелись так, словно встретились две военные традиции, одна из которых имела многолетнюю историю, а вторую когда-то нарисовали на старой доске и уже не смогли остановить.

Красная сеть ударила.

Леона толкнуло назад. Подошвы врезались в рыхлую землю, ремень обжег предплечье, железные полосы застонали. Рядом щитоносец опустился на одно колено, но удержал щит. Корни распластались по лицевым доскам и полезли по краям.

— Не рубить! — крикнул Леон.

Аурелиан, уже поднявший меч, замер.

— Я слышал с первого раза.

— В каменоломне ты тоже слышал.

— Там предупреждение пришло после моего решения.

— Сейчас решение пришло после предупреждения. Прогресс.

Корень обвился вокруг края щита. Леон резко повернул его и прижал жгут к земле. Тот задержался, дернул человека вперед и почти вырвал ремень из руки. Щитоносец ударил по другому отростку не лезвием, а плоскостью тяжелой секиры. Получилось убедительно, но сеть лишь отступила на шаг и снова натянулась.

— Огонь? — спросила Ровена.

Маг поднял пустые ладони.

— Я оставил жезл внутри.

— Почему?

— Потому что потолок оставил на нем половину себя.

— Спирт?

Маг прижал к груди три сумки.

— Для образцов?

— Для корней.

— А образцы?

— Если мы останемся, Лига получит восемь очень больших образцов.

Маг застонал, полез в сумку и вытащил плоскую флягу. По размеру она никак не соответствовала человеку, заявлявшему, что несет исключительно научное имущество.

Лекарьхватила флягу, плеснула на ближайший жгут. Красная поверхность мгновенно потемнела, корень сжался и отпрянул от щита.

— Работает, — сказала она.

— Там выдержанный грушевый, — сообщил маг убитым голосом.

Фляги хватило на три корня и часть четвертого. Остальная сеть продолжала подниматься по склону. Красные побеги уже тянулись к перевязанной руке сборщика, который прятался за телегой и очень поздно понял, что телега не является укреплением.

Аурелиан убрал меч.

— У меня есть подходящее средство.

Он расстегнул внутренний карман «Последнего заката» и достал узкий хрустальный флакон. Внутри мерцала золотистая жидкость. Пробка была обвита серебряной проволокой, на стекле сияло крошечное солнце, а при открытии вокруг запахло цитрусом, теплым ветром и состоянием, которое Леон собирал бы несколько лет.

Аурелиан держал хрустальный флакон двумя пальцами, не позволяя ему коснуться испачканной перчатки. Впервые за день его рука дрогнула не от удара.

— Что это? — насторожился он.

— «Полдень над Ильмаром». Редчайший дорожный аромат.

— Спирт есть?

— Основа безупречна.

— Тогда лей.

Аурелиан посмотрел на корни. Потом на флакон. В его лице впервые за день появилась настоящая борьба. Не между страхом и долгом — между долгом и ценой флакона.

Сеть рванула щиты.

— Дарвейн!

— Я принимаю решение!

— Принимай быстрее!

Аурелиан сорвал серебряную проволоку и широким движением выплеснул аромат на красные жгуты. Воздух наполнился сияющей взвесью. На мгновение грязный овраг запах так, будто здесь торжественно открывали летний дворец. Корни затряслись, свернулись кольцами и поползли назад, оставляя на земле бурые пятна.

Все молчали.

Аурелиан держал пустой флакон.

— Это стоило сорок золотых, — жалобно произнес он.

Леон тяжело дышал, упираясь в щит.

— Зато теперь овраг пахнет уверенно.

— Сорок два, если считать серебряную оплетку.

— Аромат как раз на сорок два.

Красная сеть отступила к дну балки, но не исчезла. Она собралась в плотный клубок возле брошенных мешков, пульсируя и перебирая отростками. Люди медленно отходили к дороге.

Со стороны садов раздался звон. На холме появились всадники городского речного наряда в кожаных масках и серых плащах. За ними ехала повозка с бочками, из которых торчали длинные медные трубы. Возле заднего колеса держался лигвый регистратор с закрытой папкой; дальше знака оцепления он не пошел. Передний всадник поднял знак оцепления.

— Всем отойти! Золу не вдыхать! Жидкость не трогать! Красное не рубить!

— Уже установлено, — сказала Ровена.

— Тогда стойте и гордитесь на безопасном расстоянии.

Из труб ударило облако белой золы, смешанной с солью и чем-то настолько едким, что яблони по краю балки немедленно решили сбросить несколько листьев. Красные жгуты забились, втянулись в трещины и ушли под землю. Земля еще некоторое время шевелилась, потом затихла.

Старший городского наряда посмотрел на восемь грязных людей, пустую хрустальную склянку и два щита, обмотанных красными нитями.

— Свидетели?

— Восемь, — сказала Ровена.

Маг поднял три сумки.

— И образцы.

Из одной сумки выпала булка.

— Это пирог, — быстро добавил он.

В Дом Сезонов их доставили на той же повозке, рядом с бочками. Это оказалось быстрее пешей дороги и заметно хуже для дыхания. К приезду волосы Аурелиана покрылись белой пылью, «Последний закат» приобрел серые полосы, а золотое мерцание плаща начиналось

только ниже пояса. Леон не улыбался исключительно потому, что губы щипало от зольного состава.

Ида Керн встретила их в заднем дворе. За несколько часов ее комната расплзлась наружу: на столах стояли новые банки, под навесом шевелились запечатанные мешки, у стены ругались два алхимика, каждый из которых утверждал, что первым придумал залить корень спиртом.

— Показания по очереди, — сказала Ида. — Сначала раненные, затем свидетели, способные уложить событие в пять предложений. Господин Дарвейн — после них.

— Я умею говорить коротко.

— Нет.

Лекарь «Рассветных» усадила хромающего мечника на ящик и занялась его ногой. Работала она с мрачным удовольствием человека, которому наконец разрешили причинять боль официально. Щитonosец поставил щит к стене. Красные нити на железе уже засохли, но одна все еще пыталась дотянуться до царапины на его перчатке.

Ида собирала показания, отсекая украшения еще до того, как они успевали стать фактами. Ровена дала маршрут четырьмя фразами. Маг развернул карту, описал направление жил. Леон добавил, что толстые корни сходились в одной точке. Аурелиан начал с «первого разумного решения», и перо Иды сразу остановилось.

Она подняла глаза на Аурелиана, затем на Леона и оставила между ними ровно столько тишины, сколько требовалось для добровольного исправления показаний.

— Он хотел войти, — сказал Леон.

— До крика.

— После крика тоже.

— На одно мгновение.

— Достаточно длинное, чтобы я успел сказать «нет».

Ида записала: «Отход начат после крика из выработки. Инициатор по совокупности показаний не установлен».

Аурелиан посмотрел на эту строку как на личное поражение.

Маг достал из второй сумки каменный обломок. На сером известняке проступали красные жилы, но между ними виднелись ровные насечки — старые, слишком прямые для трещин.

— Нашел в нижней галерее, — сказал он. — Корни обвивали стену вокруг этого места. Там был заложенный проход.

Ида провела пальцем в перчатке по насечкам.

— След инструмента.

— Или печати, — заметила Ровена. — Рядом лежали ржавые железные клинья. Их забивали в камень по кругу.

Аурелиан оживился.

— Значит, кто-то запечатал Корень.

Ида перевернула обломок другой стороной.

— Установлено только наличие клиньев. «Кто-то запечатал Корень» — гипотеза. В отчете между ними будет пустая строка достаточной длины, чтобы туда поместились ваши ошибки.

— Для чего еще забивать железо вокруг красных жил?

— Чтобы узнать, нужно сначала найти остальные клинья, старые записи и человека, который сорок лет назад не исчез в каменоломне.

— Последнее может занять время.

— Именно поэтому начните с записей.

За окнами Дома Сезонов ударил колокол. В зал вошел глашатай, повесил на доску новый багровый лист и громко объявил:

— Старые Известняки закрыты! Лисья Балка закрыта! Сбор Кровавого Корня без разрешения запрещен! За сведения о старых картах, шахтных книгах и водоотводах Ланверского округа назначена награда!

Люди у доски немедленно зашумели. Один старик заявил, что его дед работал в каменоломнях. Второй сообщил, что его дед тоже, хотя был на двадцать лет моложе первого. Третий просто спросил размер награды и начал вспоминать родственников.

К вечеру у Дома Сезонов уже продавали три несовместимые карты старых ходов и родословную мельника, в которой каждый второй предок внезапно знал про Клык-камень.

Ида выдала «Рассветным» плату за разведку, Леону и Аурелиану — доплату за подтверждение угрозы, всем восьмерым — отдельные жетоны свидетельства. Жетоны не имели боевой ценности, зато давали право без очереди получить копию итогового отчета. Маг взял два, потому что один собирался хранить, а второй — потерять.

— Что теперь? — спросил Леон.

— Лига поднимает шахтные архивы. Городские наряды закрывают балку. Егери проверяют стаи. «Рассветные» после осмотра раненых пойдут по верхним штольням. Вы двое до новых сведений не проявляете инициативу под землей.

Аурелиан повернулся к Ровене.

Он сделал к ней один безупречно рассчитанный шаг. Она свернула карту раньше, чем он успел превратить просьбу в речь.

— Вам нужен еще один клинок.

— Нет, — ответила Ровена прежде, чем он закончил вдох.

— Вы даже не подумали.

— Утренний отказ действует.

— Гильдейское членство и временное сотрудничество — разные вещи.

— Уже сотрудничали. Результат: восемь свидетелей, одна разрушенная подпорка, запах груши. Повтор не требуется.

— Сорок два, — мрачно уточнил Аурелиан.

Ровена забрала карту. Щитonosец поднял щит. Лекарь подхватила мечника, маг — все три сумки. «Рассветные» ушли, оставив Аурелиана посреди зала с осанкой человека, которого не отвергли, а просто не сумели оценить в отведенное время.

— Толпа, — сказал он.

— Шесть человек, — напомнил Леон.

— После сегодняшнего — восемь. Я считаю по последствиям.

Леон пересчитал полученное серебро. День оказался прибыльным. Щит уцелел, рука двигалась, а неизвестный корень больше не находился в его сумке. При разумном подходе договор можно было закончить прямо сейчас.

Он уже открыл рот.

Золотая Хартия Аурелиана раскрылась сама.

На странице под первым поручением по-прежнему стояло: «ДВА ИЗ ДЕСЯТИ». Ниже золотые буквы развернули еще несколько доступных испытаний: сезонное зелье, достойное блюдо, Багровая работа, Белая грива и строка, пока затянутая красным туманом.

Хартия шелестела страницами у самого локтя Аурелиана. Он положил на нее ладонь, словно успокаивал нетерпеливого союзника, и назвал срок.

— До конца Сезона, — сказал Аурелиан. — Ежедневный расчет, прежняя доля материалов и отдельная премия за каждую крупную отметку. Ты получаешь стабильную работу, я — человека, который умеет говорить «нет» достаточно громко, чтобы это иногда становилось полезным.

— Нет.

— Я предлагаю новый договор.

— Поэтому и отвечаю заранее.

— Дневная плата выше. Доля с материалов прежняя. Повреждения щита — по установленной причине. За каждую закрытую крупную отметку отдельная премия.

Леон посмотрел на Хартию. Пустые строки смотрели в ответ. Он не покупал ее, не владел ею и вообще имел полное моральное право уйти. Это делало их особенно раздражающими.

— Договор обновляется ежедневно. Я могу уйти после расчета. Любая Экспедиция обсуждается отдельно. И запиши: я проломщик. Щит... это временная ошибка, потом исправлю. Пока денег нет.

— Согласен.

— Ты согласился слишком быстро.

— Я и не собирался позволять тебе готовить. Что до щита — твои возражения звучат все менее убедительно после каждого удачного удара им.

Леон почувствовал оскорбление, хотя сам только что выдвинул то же условие.

Они подписали новый лист. Ида поставила печать свидетеля и посоветовала отдельно вписать запрет Аурелиану расходовать дорогую парфюмерию без согласования. Леон добавил пункт. Аурелиан вычеркнул слово «парфюмерия» и написал «редкие алхимические средства личного пользования». Смысл не изменился, но пафос был спасен.

Когда они вышли из Дома Сезонов, над Ланвером уже темнело. Черно-оранжевые шатры Проклятой Ярмарки заняли половину южной площади. Рабочие натягивали полосатые полотнища, развешивали зеленые фонари и ловили то, что успело сбежать из закрытых клеток до официального открытия.

По мостовой пронеслась тыква.

У нее было четыре тонкие ноги, длинный хвост из лозы и выражение, которое заранее не уважало погоню. За ней бежали двое ярмарочных служителей с сачками.

— Беглянка! — кричал первый.

— Не Беглянка, Злая! Беглянка меньше!

— Тогда почему она бежит?!

— Потому что ты ее уронил!

Тыква свернула между Леоном и Аурелианом. Леон отступил. Аурелиан сделал изящный шаг в сторону. Тыква выбрала человека, который выглядел менее дорогим, прыгнула и вцепилась зубами в край нового щита.

Раздался деревянный стук.

Боевой гусь устался на оранжевую голову, повисшую у него под клювом. Злая тыква усталась на гуся. Между двумя существами мгновенно возникла взаимная неприязнь.

— Снимите ее, — сказал Леон.

Первый служитель остановился, уперев руки в колени.

— Нельзя. Вы ее поймали.

— Она поймала меня.

— Правила учитывают итог.

Второй служитель достал черную карточку, поставил на ней оранжевую печать и протянул Леону.

— Злая тыква. Первый из пяти видов. Завтра после полудня сможете зарегистрировать.

— Я ничего не собираю.

Тыква сильнее сжала зубы на щите.

— Тогда выбросьте.

Леон посмотрел на карточку. На ней были пять пустых кругов. Первый уже заняла маленькая злобная морда.

Улыбка Аурелиана уже поднималась. Леон ткнул в него пальцем прежде, чем она успела получить голос.

- Ни слова, — предупредил Леон.
- Я восхищен твоей практичностью.
- Это случайность.
- Разумеется.
- И до открытия еще день.
- Тем поразительнее результат.

Леон дернул щит. Тыква не отпустила. Пришлось идти через вечерний Ланвер с оранжевым существом, висящим на боевом гусе, и карточкой, которую он совершенно точно собирался выбросить.

Он убрал ее во внутренний карман, чтобы не потерять до ближайшей урны.

До открытия Проклятой Ярмарки оставалась одна ночь, четыре пустых круга и все меньше уважительных причин держаться от нее подальше.

Глава 6: Ярмарка открывается с укуса

Злая тыква провела ночь в тазу.

Это было единственное место в дешевой комнате Леона, которое она не могла съесть, опрокинуть или унести на четырех тонких ногах. Сначала он запер ее в шкафу. Тыква прогрызла дверцу и выбралась. Потом привязал к ножке кровати. Утром ножка лежала отдельно, а тыква сидела на подоконнике и смотрела на хозяина с оранжевым торжеством.

Таз оказался медным. К меди она относилась без энтузиазма.

— Я вас не собираю, — сообщил Леон, застегивая стеганую куртку.

Тыква щелкнула зубами.

— Это временное хранение.

Она щелкнула еще раз. В любом споре последнее слово давало преимущество, даже если состояло из челюстей.

В дверь постучали. Не дожидаясь ответа, Аурелиан Дарвейн внес в комнату свет. Сегодня на нем снова висел Нимб Светоноса. Над головой медленно вращалось золотое кольцо, «Последний закат» струился за плечами при полном отсутствии ветра, а на левом плече сидел маленький призрачный дракон. Он был полупрозрачным, серебристым и совершенно бесполезным. В доказательство последнего дракон жевал перчатку хозяина.

— Убери нимб, — сказал Леон.

— Почему?

— Потолок низкий.

Нимб задел балку. Золотое кольцо накренилось, задребезжало и на мгновение съехало Аурелиану на ухо. Призрачный дракон испуганно расправил крылья, прошел сквозь стену и тут же вернулся, потому что снаружи шел дождь.

Аурелиан снял нимб с достоинством человека, который именно собирался это сделать.

— Это Геральд, — сообщил он, указывая на дракона.

Аурелиан заметил таз.

— Вижу, ты уже обустройстваешь коллекцию.

— Она сожрала шкаф.

— У редкой награды должен быть характер.

— У меня уже есть характер. Второй в комнате не нужен.

Леон накрыл таз деревянной доской, прижал сверху кувшином и оставил хозяйке постоялого двора отдельное серебро на случай, если тыква снова расширит пространство. Карточку с первым оттиском он взял с собой исключительно потому, что ярмарочный служитель обещал без нее не принять тварь обратно.

В Доме Сезонов их ждала Ида Керн, три новых донесения и очень плохое настроение. Последнее, по словам помощника, появилось после того, как один алхимик выпил разбавленный сок Кровавого Корня «для чистоты опыта» и начал преследовать мясную телегу.

— Жив? — спросил Леон.

— Да, — ответила Ида. — Но теперь не может смотреть на репу без слез. Возможно, это было и раньше.

На карте Ланверского округа прибавилось красных меток. Они тянулись от Старых Известняков к Клык-камню, Старой мельнице и нескольким пастбищам. Возле каждой лежал маленький лист с именами тех, кто успел прийти раньше Леона и Аурелиана.

Аурелиан изучал карту так, словно имена были личными оскорблениями.

Ида переставила на карте три красные булавки. Каждая вошла в дерево коротким сухим щелчком; так в ее исполнении звучали плохие новости.

— «Семь Башен» нашли отростки у водосброса, — сказала Ида. — «Стальной Круг» перехватил стаю возле Каменного брода. «Рассветные» подняли шахтный журнал и идут к верхним выработкам. Вы двое поедете к Старой мельнице завтра утром. Сегодня там работает городской речной наряд.

— Почему завтра? — спросил Аурелиан.

— Потому что наряд не хочет одновременно следить за корнями, мельницей и вами.

Аурелиан развел руки.

— Мы способны усилить наряд опытом первого обнаружения и тем самым ускорить исследование.

Ида поставила на карте еще одну булавку.

— Завтра. Это полное предложение.

Ида положила перед ними список снаряжения. В нем значились зольная смесь, герметичные перчатки, крючья без режущей кромки, перевязочный состав и два флакона пепельного настоя. Последняя строка была подчеркнута.

— Где его купить? — спросил Леон.

— У эльфийки-алхимика в дымном шатре, — ответила Ида. — Она варит лучший состав против подвижных растений.

— Алхимический ряд?

— Проклятая Ярмарка.

Леон медленно поднял взгляд.

Он провел пальцем по подчеркнутой строке, затем перечитал ее, надеясь, что временная валюта за это время станет постоянной.

— За серебро?

— За ярмарочные жетоны.

— Лига выдает нам поручение и требует расходник, который продается только за временную валюту праздника?

— Лига требует подходящий состав. Можете купить хуже на Аукционе за серебро.

— Насколько хуже?

— Один продавец пишет: «корни, вероятно, не любят запах».

— А что в бутылке?

— Рыбный уксус.

Леон перечитал подчеркнутую строку. За окном взывала шарманка, по стеклу пробежала маленькая тыква, и спорить с направлением дня стало бессмысленно.

— Сколько жетонов?

— Сорок за флакон.

Аурелиан распахнул плащ ровно настолько, чтобы золотая кайма легла вдоль списка снаряжения. Нелепое поручение мгновенно получило в его исполнении торжественный пролог.

— Превосходно. Мы войдем в праздник, подчиним его правила нашей цели, добудем средство и вернемся к расследованию подготовленными. Даже временная валюта способна служить великому замыслу.

— Ты рад, — заметил Леон.

— Я не рад, Леон. Я просто умею обнаружить величие даже там, где остальные видят утку и жетоны.

— Даже в ловле утки?

— Особенно если утка редкая.

Проклятая Ярмарка открылась в полдень ударом черного колокола. Над южной площадью разом зажглись зеленые огни, шатры распахнули полотнища, шарманки заиграли каждая свое, и в город хлынул запах жареных яблок, дыма, воска и решений, о которых люди пожалуют после захода солнца.

Ланвер изменился за один звон. Стражники получили оранжевые перья на шлемы. Торговцы объявили обычные товары проклятыми и подняли цену. На фонтане появилась огромная шляпа, из которой каждые несколько минут вылетала стая иллюзорных летучих мышей. Они никого не кусали, зато одна постоянно врезалась в статую короля, придавая празднику осторожную политическую глубину.

У входа раздавали правила. Леон взял лист, увидел мелкий шрифт на обеих сторонах и сразу понял, что безопасность здесь носит рекомендательный характер.

— Основные развлечения дают от одного до пяти жетонов, — прочитал Аурелиан. — Особые испытания — больше. Повторное прохождение разрешено. Утку можно ловить неограниченное число раз.

— Нам нужно восемьдесят.

— Значит, поймаем ее несколько раз.

Из-под ближайшего прилавка высунулась знакомая серая голова.

— Позор, — сказала утка.

Леон узнал ее по голосу. Утка узнала Леона по уязвимому месту в его достоинстве.

Служитель в черно-оранжевом камзоле влез на бочку, поднял песочные часы и заорал голосом, каким объявляют войну:

— УТИНЫЙ ЗАБЕГ! Три минуты на участника! Пойманная утка — два жетона! Крылья не связывать, заклинания не применять, за яму под шатром организаторы ответственности не несут, достоинство не возмещается ни при каких обстоятельствах!

— Какая яма? — спросили из толпы.

— Обычная!

— Откуда она там?

— Оттуда, что вопросы задают до оплаты!

Перед огороженной площадкой топталось человек двадцать. Дети — впереди, потому что дети всегда впереди. Двое искателей, изо всех сил делавших вид, что оказались тут случайно. Пожилой гном в полной кольчуге, который, судя по всему, собирался брать утку осадой. Эльфийка с охотничьим луком за спиной и совершенно каменным лицом. И городской судья, натянувший капюшон до самого носа, что делало его абсолютно неузнаваемым для всех, кроме тех, кто хоть раз бывал в суде, — то есть для всей площади.

Леон пересчитал участников, утку и будущие поимки на пальцах. На последнем числе лицо у него стало почти физически больным.

— Сорок поимок, — сказал он.

— Двадцать на каждого, — бодро уточнил Аурелиан.

— Я не буду ловить утку двадцать раз.

— Пятнадцать? — Аурелиан всегда торговался, даже когда торговаться было не с кем.

— Один.

— Двенадцать.

— Один, Дарвейн. Одна утка. Один раз. И то потому, что мне за это платят.

— Тогда, — вздохнул вольный клинок, — придется искать величие в других испытаниях.

Ограду открыли.

Серая утка вышла в центр площадки не спеша. Постояла. Оглядела двадцать человек по очереди, начиная слева, — медленно, вдумчиво, как оценщик осматривает партию сомнительного товара. Толпа притихла.

— Позор, — сказала утка всем сразу.

И побежала.

Она двигалась быстрее, чем позволяли ноги такой длины и такая репутация. Первый охотник прыгнул щучкой и поймал двумя руками воздух, немного земли и чужую корзину. Гном перекрыл угол щитом, встал в стойку, каких не видели со времен обороны перевалов, —

утка пробежала у него между ног, не сбавив шага. Судья, забыв всякую конспирацию, метнулся вбок, схватил обеими руками, торжествующе вскинул добычу над головой — и обнаружил, что держит шляпу гнома.

Гном посмотрел на свою непокрытую голову. Потом на судью.

— Это была шляпа моего отца.

— Я верну!

— Она была на мне!

Настоящая утка стояла на ограде и наблюдала за судебным процессом с интересом.

— Позор, — подтвердила она.

Площадь взывала от восторга. Кто-то уже принимал ставки. Кто-то продавал места на телеге. Служитель на бочке перевернул часы и объявил, что у судьи осталась минута, а у шляпы — надежда.

Аурелиан снял «Последний закат» и передал Леону, не глядя.

— Наблюдай.

— За чем?

— За тем, как это делается.

Он двинулся через площадку без единого лишнего движения. Плечи опущены, руки свободны, шаг мягкий. Утка повернула к нему голову, наклонила ее набок и — Леон готов был поклясться — стала ждать.

Аурелиан сделал ложный шаг влево. Утка не купилась. Он сместился вправо, перекрыл отход к ограде, отрезал ее от бочек, вытеснил на открытое место и плавно, без рывка, протянул руку.

Это было движение великолепного фехтовальщика, безупречно рассчитавшего дистанцию, скорость и намерение противника.

Утка взлетела на Нимб Светоносца.

Золотое кольцо накренилось под неожиданным весом. Аурелиан вскинул руку. Утка перепрыгнула ему на макушку, пробежала по волосам — двумя быстрыми деловитыми шажками, — оттолкнулась и спрыгнула за спину.

Нимб съехал на ухо и там повис.

Леон не выдержал.

Он захохотал — громко, в голос, совершенно не так сдержанно, как полагается практичному человеку с долговой распиской в кармане. Он согнулся пополам, прижимая к себе чужой драгоценный плащ, и хохот у него шел откуда-то из-под ребер, из места, которое молчало с самого рассвета над Чертогом.

Смех ударил Аурелиана сильнее кабаньего клыка.

Вольный клинок очень медленно повернулся. Лицо он сохранил. Все остальное — нет: волосы стояли дыбом тремя независимыми направлениями, нимб мигал где-то у плеча, а на плече сидел призрачный дракон и с большим интересом смотрел, куда убежала птица.

— Птица, — сказал Аурелиан ледяным тоном, поправляя кольцо, — использовала преимущество высоты, фактор внезапности и недостойную цель. В тактическом отношении это было безупречно.

— Безупречно, — выдавил Леон.

— Я сказал «не».

— Я слышал. Я не согласен.

Утка пробежала мимо, задев Леона крылом по колену.

Он все еще держал «Последний закат» — тяжелый, теплый, стоивший больше, чем весь его нынешний комплект вместе с сапогами. И где-то между смехом и следующим вдохом Леон принял решение, о котором думал ровно ноль мгновений.

Он опустил плащ на землю.

Багровая ткань вспыхнула золотом, поймав солнце всей длиной. Утка, бежавшая на полном ходу, увидела перед собой сияющий закат, притормозила, сбилась с шага — на одно-единственное птичье мгновение — и Леон накрыл ее сверху.

Из-под дорогого плаща донеслось приглушенное:

— Позор.

— ПОЙМАНА! — заорал служитель, чуть не свалившись с бочки.

Площадь захлопала. Гном требовал повторного рассмотрения дела о шляпе. Судья тихо ушел.

Аурелиан подошел, присел на корточки и взял край плаща двумя пальцами, как берут за хвост дохлую крысу.

— Ты, — сказал он, — превратил «Последний закат» в приспособление для ловли домашней птицы.

— План сработал.

— Это был не план!

— Заключительная часть плана — главная. Ты сам меня научил.

Аурелиан открыл рот. Закрыл. Открыл снова.

— Я, — с достоинством произнес он, — не рассчитывал, что меня будут цитировать так быстро и так против меня.

Леон получил два жетона и, вдобавок, деревянную табличку на веревочке с надписью «ПОЗОР» — служитель повесил ее утке на шею, объяснив, что так положено помеченной добыче и что снимать нельзя до конца Ярмарки.

— Она и без таблички справляется, — заметил Леон.

— Правила, — развел руками служитель.

Утка выбралась из-под ткани, отряхнулась двумя энергичными движениями, поправила клювом веревочку, посмотрела на Леона снизу вверх — и пошла за ним.

— Это нормально? — спросил Леон у служителя.

— Обычное последствие первой поимки. Несколько дней походит и отстанет.

— И что она делает?

— Ничего.

— Она разговаривает.

— Это не считается.

— Как это не считается?!

— Молодой человек, — устало сказал служитель, слезая с бочки, — у нас в третьем шатре тыква поет романсы. Говорящая утка — это низший разряд чудес.

— Позор, — подтвердила утка.

Для восьмидесяти жетонов требовалась другая стратегия.

Яблочный омут давал пять за попытку. Правила были простые и оттого унижительные: вытащить яблоко из широкой бочки без рук. Половина яблок плавала спокойно. Несколько кусались. Одно было мимиком и скрывало это с убежденностью профессионального мошенника — то есть плавало чуть красивее остальных и слегка поворачивалось румяным боком к каждому новому лицу.

— Вон то, — сказал Леон. — Красное.

— Оно самое красивое.

— Именно.

— Значит, оно лучшее.

— Значит, оно приманка.

Аурелиан посмотрел на него с сожалением человека, вынужденного жить среди циников, закатал манжеты, придержал волосы и склонился над бочкой.

Яблоко подпустило его на расстояние ладони. Позволило рассмотреть себя. Дало прицелиться.

А потом распахнулось до самой плодоножки и вцепилось ему в нос.

Аурелиан выпрямился медленно, во весь рост, с яблоком на лице и с водой, стекающей за воротник. Секунды три он сохранял полное молчание, и в этом молчании было больше выдержки, чем в трех предыдущих боях.

Леон сел на бортик бочки, потому что стоять уже не мог.

За два дня Аурелиан Дарвейн отбил кабана, живые корни, обвал в каменоломне и отказ трех гильдий. Ярмарочная бочка методично доламывала то, что от него осталось.

— Сними, — глухо сказал вольный клинок.

— Ты поймал.

— Оно поймало меня!

— Правила учитывают итог.

— Леон.

— Да?

— Сними яблоко.

Служитель снял мимика ухватом, засчитал его как особое яблоко и выдал Аурелиану десять жетонов. Тот принял их с высоко поднятым подбородком и ярко-красным следом на носу, который потом держался до самого вечера и который он трижды за день назвал «царапиной».

Леон выбрал невзрачный плод у самого края. Кривой, зеленоватый, никому не интересный. Он оказался обычным яблоком.

Леон вытащил его с первого раза и, выпрямляясь, испытал такую чистую, почти детскую радость, будто не выловил зубами фрукт из воды, которой до него воспользовалась половина Ланвера, а победил древнего дракона на глазах у собственных внуков.

— Видел? — спросил он с яблоком в зубах.

Вода стекала по лицу. Волосы прилипли ко лбу. Утка смотрела снизу.

Аурелиан оглядел эту картину не торопясь, слева направо и обратно.

— Я видел, — сказал он с глубоким чувством. — Более того: это зрелище останется со мной значительно дольше, чем тебе хотелось бы.

Радость немедленно превратилась в раздражение, что тоже было своего рода достижением.

Гонки на метлах обещали пятнадцать жетонов победителю и пять всем, кто добежит.

Аурелиан поднял с козел длинную лакированную метлу, взвесил на пальце, проверил баланс у самой щетины — и огляделся в поисках детали, которая обязана была объяснить достоинство предприятия.

— Где чары полета? — спросил он.

Распорядительница, жилистая женщина с оранжевым флажком и лицом человека, слышавшего этот вопрос девятьсот раз, даже не подняла глаз от списка.

— Их нет.

— Тогда как проходит гонка?

— Садитесь верхом и бегите.

Аурелиан помолчал.

— На метле.

— Это указано в названии.

— В названии указано «гонки на метлах».

— Правильно. На метлах. Не на воздухе.

— Но метла подразумевает...

— Метла подразумевает мести, — отрезала распорядительница и наконец подняла глаза. — Летать на ней придумали барды. Барды у нас в четвертом шатре, и им я тоже все объяснила.

Участники встали на линию. Леон выбрал короткую старую метлу с обломанным черенком: она была уродлива, зато не путалась под коленями. Аурелиан взял черную, с серебряной щетиной и витой рукоятью, потому что даже унижение, по его убеждению, требовало правильного облика.

Рядом изготовились двое подростков, широкоплечая орчанка в фартуке пекарни, тот самый городской судья, у которого сегодня явно был выходной от здравого смысла, — и маленькая девочка лет девяти в красном пальто.

Девочка стояла спокойно. Метлу она держала низко, у самой земли, как держат весло. В свободной руке у нее было яблоко.

Леон посмотрел на нее и почувствовал первое, очень слабое беспокойство.

Колокол звякнул.

Двадцать взрослых людей побежали, зажав метлы между ног, и дорожка немедленно превратилась в поле боя. Она петляла между бочками, шла через песчаную насыпь, ныряла под низкую перекладину и заворачивала вокруг шатра с жареными каштанами, откуда каждому пробегающему выдавали в лицо волну сладкого дыма.

Аурелиан стартовал великолепно. Шаг длинный, спина прямая, плащ вытянулся за ним багровой лентой, серебряная щетина сверкала на солнце. Первые двадцать шагов он шел первым и выглядел так, будто гонки на метлах были древней аристократической традицией, о которой все остальные просто не знали.

На первом повороте нимб зацепился за флажок и потащил за собой три метра гирлянды.

На песчаной насыпи призрачный дракон решил, что метла — отличное место, и сел на нее.

Перед перекладиной Аурелиан отказался пригнуться настолько низко, насколько требовала перекладина.

Перекладина поехала с ним.

Леон бежал некрасиво, зато экономно. Короткая метла не цеплялась, длинные ноги делали свое дело, он обошел судью на песке, перепрыгнул бочку, срезал у каштанов и уже видел ленту финиша, когда справа, ровно и без всякого напряжения, его начала обходить девочка в красном пальто.

Она держала метлу одной рукой. Второй ела яблоко. Смотрела строго вперед с ледяным спокойствием ветерана трех кампаний.

Леон прибавил.

Девочка прибавила.

Леон прибавил еще и услышал, как в ушах у него бьется что-то очень юное и очень глупое.

Девочка доела яблоко и выбросила огрызок.

Он выжал все, что у него было, включая то, что следовало приберечь, пересек линию и остановился так резко, что чуть не сложился пополам.

Распорядительница подняла руку победителя.

Красное пальто оказалось впереди на полметлы.

— Вы хорошо бежали, господин, — вежливо сказала девочка, отдавая метлу служителю.

Леон стоял согнувшись, упершись ладонями в колени, и внутри у него бушевала совершенно неприличная, раскаленная, стыдная обида взрослого вооруженного человека, который только что проиграл ребенку на хозяйственном инвентаре.

— Спасибо, — выдавил он.

— Вы почти догнали.

— СПАСИБО.

— В прошлом году один рыцарь плакал.

— Иди уже.

Девочка кивнула, забрала пятнадцать жетонов и ушла к матери, у которой на поясе висел мешочек, набитый жетонами так плотно, что он не звенел.

— Позор, — сказала утка.

— Я знаю.

— Позор.

— Я ЗНАЮ.

Аурелиан пришел последним — в плаще, флажках, с гирляндой на нимбе и перекладиной под мышкой. Он положил перекладину на землю перед распорядительницей и сказал, что она нуждается в пересмотре высоты.

Распорядительница выдала ему пять жетонов и попросила больше не подходить к этому аттракциону.

К вечеру они собрали нужную сумму.

Для этого пришлось пройти Дом призраков, сбить деревянными репами двенадцать черепов, трижды угадать, в каком из котлов сидит говорящая жаба (жаба один раз подсказала и один раз соврала), еще дважды нырнуть в яблочный омут и один раз все-таки поймать утку руками.

В Доме призраков случился скандал. Настоящий призрак, живший там задолго до Ярмарки, оскорбился присутствием декоративных и потребовал себе отдельную комнату с отдельной табличкой. Ему выделили чулан. Из чулана он выскочил на Аурелиана, увидел вблизи Нимб Светоносца, на секунду ослеп и, отступая, потребовал немедленно вывести посетителя за грубое нарушение атмосферы.

Аурелиан назвал это признанием силы Светоносца.

Призрак назвал это хамством и выдал Леону лишний жетон за моральный ущерб.

— Почему ему? — возмутился Аурелиан.

— Он с вами ходит, — сказал призрак. — Ему тяжелее.

Вторая поимка утки ничего не изменила: птица уже следовала за Леоном и восприняла происходящее как повторное подтверждение его недостатков.

Хозяйкой дымного шатра была высокая темнокожая эльфийка с белыми волосами, защитными очками и ожогом на перчатке в форме цветка. Леон косился на нее неприлично долго, пока не решил для себя, что она не темный эльф, а вполне обычный, просто немного темнее.

Темных эльфов Леон не любил. Особенно после Сезона Щелк и Кинжал. Тогда его дважды чуть не убили в Дор-Малкаре, в древних руинах некогда большого города темных эльфов в Нижних Землях. Было весьма опрометчиво закрывать цепочку сезонных поручений, когда враждебно настроенная группа пыталась обрушить свод.

— Два пепельных, — сказал Леон и выложил восемьдесят жетонов.

Алхимичка пересчитала их дважды.

Она не потянулась к флаконам. Сначала она сдвинула очки на лоб и посмотрела на покупателя так, будто от ответа зависело, какой именно дым выпустить из шатра.

— Против чего?

— Кровавый корень.

— Новый?

— Очень.

— Тогда может не сработать.

Леон замер.

— Ида Керн сказала, что это лучший состав.

— Лучший из существующих. Корень существовать начал позже.

Аурелиан взял флакон, поднял к зеленому свету.

— Если не сработает?

— Значит, узнаете что-то новое.

— А жетоны?

— Уже узнали, сколько стоит новое знание.

Экономика Ярмарки оказалась даже тоньше аукционной: здесь продавец мог заранее предупредить, что товар, возможно, бесполезен, и все равно не терял покупателя.

За восемьдесят собранных жетонов распорядитель поставил им еще по одной праздничной печати. Леону досталась Хихикающая тыква — маленькая, круглая и на вид почти безобидная. Она тихо засмеялась, когда он взял ее в руки. Потом громче. Потом перешла на прерывистое хрюканье, явно вспоминая что-то особенно смешное.

На карточке заполнился второй круг.

Леон постучал карточкой по ладони. Два заполненных круга вспыхивали при каждом ударе и делали его оправдания все менее убедительными.

— Это не коллекция, — сказал он.

— Конечно, — согласился Аурелиан.

— Мне выдали ее за участие.

— Безусловно.

— Я не искал.

— Именно поэтому две из пяти нашли тебя сами.

Хихикающая тыква расхохоталась. Серая утка сказала:

— Позор.

В этот момент над площадью пронесся рев сезонного рога. Люди замерли, ожидая Белогривого, Бронеспина или скидку. Глашатай Лиги поднялся на помост.

— В верхних выработках Старых Известняков найден второй заложенный проход! «Рассветные» подтвердили, что корневые жилы уходят под южные гряды! За старые планы водоотводов и сведения о Старой мельнице награда увеличена!

Аурелиан медленно повернул к Леону голову. Лицо осталось безупречно спокойным; обвинение целиком взяли на себя глаза.

Леон посмотрел в ответ и молча приподнял два флакона пепельного настоя — все, что осталось от целого дня унижений, восьмидесяти жетонов и одной сожранной шкафной дверцы.

— Мы все равно не могли войти до завтра, — сказал он.

— У нас заберут всю славу.

— У тебя чертов Нимб, думаю ты справишься с такими потерями.

Глашатай продолжал читать имена первооткрывателей. Аурелиана среди них не было. Он выпрямился еще сильнее, что с человеческой спиной уже граничило с архитектурой.

— Завтра мы идем к Старой мельнице, — объявил он.

— После того как отнесем тыквы в комнату.

— Ты сказал, что не собираешь.

— Именно поэтому им не место в моей сумке.

Они пошли через вечернюю площадь. Леон нес два пепельных настоя, Хихикающую тыкву и карточку с двумя заполненными кругами. За ним шагала проклятая утка. Рядом плыл Аурелиан в восстановленном плаще, под ровно вращающимся нимбом, с декоративным драконом на плече и яблочным следом на носу.

С практической точки зрения день прошел успешно.

Именно это раздражало Леона сильнее всего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.